

Олег Буйдин

Жизнь моя – рыбалка

Содержание

Как родилась эта книга	4
ОЛЕГ БУЙДИН	6
Моя первая щука	8
Бдительные пограничники	20
Сюжеты о зимней рыбалке	28
Пляжная рыбалка	48
Метод контрастов	60
Погорелец	68
Мой пес Донни	77
Бывший лучший, но опальный стрелок	91
Слепой водитель	98
Несушка	102
ВЛАДИМИР БУЙДИН	106
Поездка к Домбау	108
Осенний пейзаж	110
Поездка в Янеда	111
Земля такая круглая	111
Путешествие по Болгарии	112
Колокола	115
Комета Галлея	117
Лесные страдания	119
Рыболовные страдания	120
Олегу и Ирине в день свадьбы	122
Юбилейное. 50 лет	124
Юбилейное. 70 лет	125
Юбилейное. 80 лет	126
Ире на юбилей. 45 лет	127
Олегу на юбилей. 50 лет	128
Олегу на юбилей. 55 лет	130
Олегу на юбилей. 60 лет	132
ФОТОГРАФИИ	134

Олег Буйдин. Жизнь моя – рыбалка / Таллинн,
2018, 168 с., с илл.

Редактура, макет, верстка, обложка: Эмма Дарвис

Типография Alfarpress

© Олег Буйдин, 2018

Как родилась эта книга

Летом 2017 года мы готовили к печати второй сборник, который выпускал Таллиннский Клуб ветеранов правоохранительных органов. В числе других произведений мне пришли три замечательных рассказа Олега Буйдина: «Бывший лучший, но опальный стрелок», «Слепой водитель» и «Несушка». Ни с автором, ни с его творчеством я знакома не была, поэтому на одном из собраний клуба подошла к нему и поинтересовалась, давно ли он пишет. Большие темные глаза Олега от удивления сделались еще больше:

– Давно?.. Я вообще никогда не писал! Иван Кастюк попросил, вот я и взялся за перо...

Теперь пришла моя очередь удивляться:

– Даже не верится! Уж очень живые и интересные получились.

Мы разговорились, и я настоятельно посоветовала Олегу писать. Ну в самом деле: почему не заняться тем, что так хорошо получается! Олег обещал подумать.

На следующем собрании он подошел ко мне и сказал, что решил. И даже выбрал тему – он напишет о рыбалке, о том, какие случаи приключались с ним и с его друзьями. Оказалось, что с рыбалкой связана вся его жизнь.

Всю зиму Олег вспоминал и писал, и вот ранней весной эти рассказы были готовы.

Надо сказать, что, обладая всеми классическими признаками «рыболовного» жанра, эти рассказы особенные. Все мы знаем, как «вырастают» щуки, сомы, лещи и прочие водные создания в устах рыболовов! Но у Олега ничего не «вырастает», не умножается, не бахвалится, у него, как говорится, все один к одному. Видимо, врожденные корректность и педантичность Олега распространились и на увлечение всей его жизни, поэтому веришь каждому слову автора.

Судите сами.

*Эмма Дарвис,
редактор*

Олег Владимирович Буйдин родился в Палдиски Эстонской ССР 22 марта 1958 года. В 1980 году окончил Таллиннский политехнический институт. С сентября 1980-го по октябрь 1981 года работал инженером в Высоковольтных сетях севера Таллинна. 21 октября 1981 года по комсомольской путевке поступил на работу в отдел БХСС УВД Таллинна. В сентябре 1982 года закончил обучение в Рижской школе милиции и продолжил работу в отделе БХСС УВД Таллинна в должности инспектора (с сентября 1989 года – старшего оперуполномоченного Управления БХСС МВД ЭССР)

С 1 марта 1991 года работал в аналитическом бюро Департамента полиции, а с декабря 1992 года и до выхода на пенсию – в службе экономических преступлений Таллиннской префектуры полиции.

На пенсию вышел 1 апреля 2013 года в должности старший следователь и в звании старший комиссар полиции. В июле 1984 года женился на Буйдиной Ирине Викторовне. В браке родился сын Герман (1991).

Моя первая щука

Стать рыбаком-любителем мне было предназначено судьбой уже с детства.

Мой дед Александр Иванович Буйдин во время войны (в 1943 году) был отправлен фашистами из города Чудово, где он проживал вместе с семьей – своей женой (моей бабушкой) и двумя детьми (моей тетей и моим отцом), в концлагерь города Палдиски Эстонской Республики. Эта ссылка заменила ему расстрел за помощь выходящим из окружения советским войскам. В концлагере мой дед вместе с бабушкой и моим отцом, которому тогда было 12 лет, выполняли различную тяжелую физическую работу. Но, к счастью, все они выжили и дождались освобождения Палдиски советскими войсками в сентябре 1944 года.

После войны моего деда назначили на должность начальника палдиского рыбного пункта. Я родился тоже в Палдиски в 1958 году, и когда мне исполнилось три года, дед стал брать меня к себе на работу, где я очень быстро запомнил название

разных рыб. Я тогда не выговаривал букву «р», и рыбаки в шутку просили меня:

– Скажи «рыба».

– А какая? – спрашивал я. – Вот это камбала, это окунь, это сиг, а это салака.

Рыбаки смеялись, но ничего сделать не могли, так как карася или корюшки среди выловленной ими рыбы не было. Как не было и щуки, а я в то время не выговаривал букву «щ» и вместо нее говорил «с». Если бы была еще и щука и я бы сказал, что это за рыба, рыбаки бы долго смеялись.

Когда мне исполнилось пять лет, я сам себе сделал очень примитивную удочку: к небольшому пруту привязал нитку, а на конец нитки – земляного червя. В старом карьере, или овраге, как его называли местные жители, я ловил в пруду (правильнее сказать, в большой глубокой луже) колюшек, которых потом запускал в бак для полива огорода и наблюдал за ними, периодически подкармливая их червями и хлебом. Этот карьер был выкопан еще в XVIII веке участниками восстания Емельяна Пугачева, сосланными в Палдиски на каторгу. Среди них был башкирский поэт Салават Юлаев. Пруд в карьере соединялся с морем маленьким ручейком, который летом пересыхал, а

через ручей в пруд проникала колюшка. Никакой другой рыбы в пруду не было, так как он был очень мелкий.

Когда мне исполнилось семь лет и я пошел в первый класс, отец подарил мне на день рождения настоящую бамбуковую удочку. Моей радости не было предела! Удочка состояла из двух колен, на ней были леска, поплавков, грузило и крючок. Я быстро научился пользоваться этой удочкой, а также привязывать к леске крючки (которые иногда отрывалась) и зажимать зубами свинцовые грузики.

Летом во время каникул родители отправляли меня в Пирита, где в коммунальной квартире двухэтажного дома проживала моя тетя (родная сестра моей матери) вместе с двумя детьми – моей двоюродной сестрой Аллой и моим двоюродным братом Мирославом. Алла была моя ровесница, а Мирослав на четыре года меня моложе. В июле тетя сдавала одну комнату квартирантам – семейной паре из Москвы, у которых был сын Андрей – мой ровесник. Мы втроем – я, Алла и Андрей (Мирослава мы не брали, поскольку, как говорил Остап Бендер, «в то героическое время он был крайне мал») часто ходили на речку Пирита (речка была недалеко от дома) и ловили там уклейку. Иногда попадались мелкие

окушки, ершики. Уклейку мы солили и потом развешивали на нитках на веранде. После того как уклейка проявилась, мы ее снимали и с удовольствием ели. Однажды нам удалось поймать несколько окушков и ершей, а также десятка два уклеек, и тетя сварила нам уху (правильнее сказать, рыбный суп, так как в нем была картошка, а в настоящую уху картошку не кладут). Я с таким удовольствием ел этот рыбный суп, что казалось, ничего вкуснее до этого не пробовал. Вот что значит блюда из пойманной своими руками рыбы!

Иногда мы ходили к мосту Козе-Люкати на реке Пирита и, так как река была неглубокая, разувались и переворачивали подводные камни, под которыми прятались раки. Поймав несколько раков, мы приносили их домой, где варили в кипящей воде, добавив в конце варки соль и укроп. Раки получались очень вкусными, но обычно каждому из нас доставалось только по одному раку.

Однажды, переворачивая камни под мостом, я заметил странную рыбу. Подозвав Андрея, я показал ее ему и спросил, знает ли он как она называется.

– Наверное, это сом, – сказал он.

Так как я сома видел только на картинке, то согласился с ним.

– Давай его поймаем, – предложил я.

Мы попытались поймать рыбу руками, но она нас близко к себе не подпускала. Тогда мы пошли домой за удочками. Дома я спросил тетю, умеет ли она жарить сома.

– А где сом? – спросила тетя.

– Сейчас мы пойдем и поймаем его, – ответил я.

– Ну, сначала поймайте, а потом поговорим, – заключила тетя.

В полной уверенности в своем успехе, взяв удочки и червей, мы бодро зашагали к реке. Однако подойдя к мосту и разувшись, сколько мы ни ходили в воде, сома больше не видели.

Понурые, мы вернулись домой.

– Ну, где же ваш сом? – ехидно спросила тетя. – А то я уже и сковородку приготовила.

– В следующий раз поймаем, – буркнул я.

Рассказав об этом случае своему отцу, я узнал от него, что в реке Пирита сомы не водятся и, скорее всего, это был налим.

Рядом с домом, где проживала моя тетя, у ее соседки по коммунальной квартире Елизаветы было несколько грядок с зеленым луком, укропом, петрушкой. Раньше, когда мы копали червей, она попросила нас заодно и выкорчевать сорня-

ки, чтобы можно было посадить зелень. Перекапывая землю, мы нашли несколько патронов. Из разговора взрослых мы узнали, что в доме во время войны был немецкий штаб. Добытый из патронов порох мы насыпали в бумагу, которую оборачивали изолентой, а в проделанную в изоленте дырку вставляли кусок спички головкой наружу. Самодельная бомбочка была готова, оставалось только чиркнуть головкой спички о коробок и бросить бомбочку подальше от себя. Когда порох кончился, мы стали делать такие же бомбочки, смешивая марганцовку с опилками магния. Кусок магния мы выменяли на что-то (точно не помню, может быть, на значки или почтовые марки) у соседского мальчишки, который распилил на куски добытое где-то колесо от самолета.

Однажды, копая червей, мы подошли слишком близко к грядкам соседки Елизаветы, или тети Лизы, как мы ее называли и вдруг услышали ее грозный голос:

– Вы что там делаете?!

– Червей копаем, – ответили мы.

– Идите в лес, там полно ЧЕРТЕЙ, – сказала она.

Это выражение нам так понравилось, что когда по возвращении из леса (он был через дорогу, и там летом иногда попада-

лись маслята) взрослые спрашивали, есть ли грибы, отвечали: маслят нет, но полно чертей.

Когда нам с Андреем было уже десять-одиннадцать лет, соседский мальчик, который был немного старше нас, сказал, что ловил в Ботаническом саду карасей. Мы договорились, что встанем рано утром, возьмем удочки и пойдём с ним. Завели будильник, проснулись часов в шесть утра, взяли удочки, червей и пошли вместе с ним Ботанический сад. Там мы перелезли через забор, подошли к небольшому пруду, закинули удочки и стали ждать поклевки. Вдруг у меня поплавок зашевелился, и я вытащил небольшого (с ладошку) карасика. Следом за мной по карасику вытащили соседский мальчик и Андрей. Увлёкшись рыбалкой, мы не заметили, как к нам направился сторож.

– Вы что там делаете? – вдруг услышали мы грозный голос.

Побросав удочки в кусты и оставив рыбу, мы бегом помчались к забору, перелезли через него и спрятались в кустах. Когда сторож ушел, мы тихонько перелезли через забор и подошли к пруду. Удочки сторож кустам не нашел, а рыбу из наших пакетов выпустил в пруд. Так что домой мы вернулись без рыбы. В следующий раз

мы были более осмотрительными: заведя на горизонте сторожа, быстро прятали удочки, забирали рыбу и убегали.

Больше всего мне нравилась весенняя рыбалка в апреле – начале мая, когда в реки на нерест с моря заходили плотва, елец, язь и вимба. Однако когда началась учеба в школе, отец предупреждал меня, что за каждую двойку (неважно, по какому предмету) я лишуюсь одной рыбалки. Хотя учился я хорошо, все-таки тройки, а изредка и двойки я получал. Отец делал соответствующие отметки в календаре, и когда в начале апреля он уезжал на рыбалку, я оставался дома. По этой причине первый раз я выезжал с ним на рыбалку только в конце апреля или в начале мая, когда в реках ловилась только плотва (елец, язь, вимба уже успевали пройти на нерест).

Только один раз, когда мне было уже лет тринадцать, я кроме плотвы поймал несколько язей, которые скатывались после нереста вниз по течению и поэтому ловились параллельно с заходящей на нерест в реку плотвой. Это было на реке Вихтерпалу, куда мы ездили редко, так как у отца своей машины тогда не было и он брал для поездки на рыбалку «запорожец» своего отца (моего деда).

В основном мы ловили плотву на реке Вазалемма, куда приезжали на электричке и от станции до реки несколько километров шли пешком. Заходящую на нерест плотву мы ловили ниже плотины (в настоящее время там ловля рыбы запрещена), и иногда рыбалка была настолько успешной, что мы с отцом еле дотаскивали мешки с пойманной рыбой до станции. Плотву отец вялил, и я с удовольствием ел ее, запивая квасом (пиво я первый раз попробовал, когда мне было уже семнадцать лет и я окончил школу).

Однако больше всего мне хотелось поймать щуку. После окончания весеннего лова плотвы, во второй половине мая или летом, отец ездил на реку Вазалемма и там в нескольких километрах вверх по течению выше плотины довольно успешно ловил на живца щуку. При ловле на удочку живцов ему попадались иногда крупные окуни и крупная плотва. Однако меня он с собой не брал, объясняя это тем, что там нужно очень долго идти пешком, а я еще до этого не дорос. Наконец однажды летом, когда мне уже исполнилось двенадцать лет, он предложил поехать с ним за щукой при условии, что я не буду ныть из-за долгого пути. Я с радостью согласился.

Рано утром мы сели на электричку, вышли на станции Лаокюла, лесом дошли до реки и тропинкой вдоль нее прошли еще несколько километров. У меня были с собой две удочки: одна обычная, на которую я ловил весной плотву, а другая, сделанная специально для ловли щуки – с большим пенопластовым поплавком, грузиком, не дающим живцу всплыть, и крючком-тройником на конце.

Обе удочки были с катушками, но на удочке для ловли щуки была более толстая леска.

Добравшись до места, мы расположились недалеко друг от друга и стали ловить живцов. Однако вместо мелких плотвичек нам попадались довольно крупные окуни, которые на живцов не годились. Наконец я поймал небольшую плотвичку и насадил ее на тройник, как научил меня отец: одним острием крючка проткнул ей спину около спинного плавника, а два острия остались торчать. Эту удочку с живцом я закинул не по течению, где ловил окуней, а в находящуюся рядом заводь, окруженную камышами, где течения не было. Поплавок почти неподвижно стоял посреди этой заводи, лишь иногда живец легонько двигал его чуть в сторону. Время приближалось к обеду, солнце пригревало,

а проснулся я очень рано, поэтому слегка задремал.

– А где твой поплавок? – сквозь сон услышал я голос отца.

Открыв глаза, я увидел, что поплавок нет, а натянутая леска направлена к камышам. Схватив удочку, я сделал подсечку и почувствовал сопротивление крупной рыбы.

– Щука! – заорал я. – Папа, помоги мне ее вытащить!

– Нет уж, вытаскивай сам, иначе что ты за рыбак! – ответил отец.

Он посоветовал подтащить щуку на мелководье и аккуратно вытащить на берег (подсачека у нас с собой не было). Я стал медленно подтаскивать щуку к берегу.

– А тяжелая какая! – сказал я, так как пойманный мною до этого окунь (да и весенняя плотва) весили не больше 200 грамм.

Наконец я аккуратно подвел щуку на мелководье и последним рывком затащил ее на берег. Боясь, что она сорвется, я коршуном кинулся на нее и прижал к земле. Отец помог мне снять щуку с крючка. Моей радости не было предела. И хотя эта щука весила чуть больше полкилограмма, а в дальнейшем я ловил щук мно-

го крупнее, эта первая пойманная мною щука запомнилась мне на всю жизнь.

Когда я рассказал о ней своему двоюродному брату Мирославу, он спросил меня, на что я ее поймал. Я в шутку сказал ему, что на бутерброд с медом. После этого он долго рассказывал своим друзьям, что щука ловится на бутерброд с медом, но ему почему-то никто не верил.

Бдительные пограничники

События, о которых я расскажу, произошли во второй половине 70-х – начале 80-х годов прошлого века.

В один из летних дней мой отец решил поставить перемет на подводной косе у побережья Палдиски. Эта подводная коса образовалась еще в XVIII веке, когда попавшие на каторгу участники восстания Емельяна Пугачева строили мол, соединяющий город Палдиски (тогда он назывался форт Балтийский, а позднее – Рогервик) с островом Суур-Пакри. После окончания строительства мола каторжникам была обещана свобода. Известняк для строительства добывали тут же на каменоломне, в результате чего на окраине Палдиски образовались глубокие овраги, которые существуют до сих пор.

Однако планам каторжников не суждено было осуществиться, так как когда мол уже был почти готов, сильный шторм разрушил все их строения. В результате образовалась подводная коса. В середине ее глубина была около одного метра а по

краям от одного до 10-15 метров. Эту косу облюбовала разная рыба: окунь, плотва, камбала, язь и даже ночной хищник угорь.

На угря отец иногда ставил на ночь перемет. Этот перемет представлял собой капроновую веревку длиной около 30 метров, по краям которой были два свинцовых груза и два пенопластовых поплавка. На самой веревке через равные промежутки располагались поводки из капроновой веревки потоньше с крючками на конце. Все это сооружение укладывалось в деревянный ящик, снаружи покрытый резиновой лентой с прорезями. В прорези вставлялись поводки с крючками (их было 50 штук), на крючки нанизывались крупные черви (в основном выползки) и куски рыбы. У отца был резиновый костюм, в котором он с вечера устанавливал перемет на краю косы на глубине от 1-1,5 метра, а утром вытаскивал его. На перемет кроме угря попадались еще окуни и язи.

В описываемый мною день отец взял меня с собой помочь ему установить перемет с резиновой двухместной лодки, которую незадолго до этого купил. Эту лодку мы уже опробовали в дневное время, когда ловили с нее на косе на удочки окуней, причем довольно успешно. Мне в то время было уже лет пятнадцать-шестнадцать.

Вечером мы вышли на лодке в море. Я сидел на веслах, отец устанавливал перемет, отдавая мне команды грести быстрее или медленнее. Оставив на ночь перемет, мы со спокойной совестью отправились спать. Рано утром (а точнее ночью) мы проснулись по будильнику и, не завтракая, отправились на море. Лодку и якорь отец вез на тележке, а я нес сумку для рыбы и ящик для перемета. Быстро накачав лодку, мы вышли в море еще по темноте. Угорь, как я уже заметил, – рыба ночная, и если он попался на крючок, то вытащить его нужно затемно. Когда становится светло, он старается забиться под камни, откуда вытащить его, не порвав поводок, проблематично.

Я опять сел на весла, а отец стал вытаскивать из воды перемет, местоположение которого мы определили по поплавам. Они были белого цвета и на фоне воды хорошо просматривались. Когда отец уже вытащил большую часть перемета, мы вдруг увидели взлетевшую в небо и повисшую над нашими головами красную ракету. Отец продолжал невозмутимо вытаскивать перемет, а я посмотрел на берег. Поскольку уже стало рассветать, я заметил на берегу фигуры двух пограничников. Видя, что на ракету мы не реагируем, один из них снял автомат и

одну очередь дал вверх, а вторую – в стороне от нас. Недалеко от нас пули, словно брошенные мелкие камешки, запрыгали по волнам. Отец резко вытащил из воды остатки перемета, а я что есть силы погреб к берегу. Я думаю, что если бы у нас был на лодке мотор, то вряд ли на нем мы бы доплыли до берега быстрее, чем я догреб на веслах.

На берегу от пограничников мы узнали, что в темное время на лодке выходить в море запрещено. К несчастью, у нас не было с собой документов, и нам пришлось идти с пограничниками на погранзаставу. В то время город Палдиски был запретной зоной и въезд в него был разрешен только по пропускам, которые выдавались на основании приглашения в паспортном отделе города Таллинна, где мы тогда жили. К нашему счастью, начальник погранзаставы был знаком с моим дедом, поэтому нас с отцом довольно быстро пустили домой, оставив лодку на заставе. За лодкой отец вместе с дедом зашли на погранзаставу в этот же день. Отец принес свой паспорт вместе с пропуском, а дед, у которого была пасека, подарил начальнику заставы две банки меда. Лодку отцу вернули и протокол о нарушении решили не составлять.

Кстати, эта лодка послужила отцу недолго. Не прошло и года после этого случая, как случилось следующее.

Жарким летним днем мой отец вместе с моим дядей Виктором вышли рыбачить на ту же косу в Палдиски, где мы с отцом до этого ставили перемет. Так как дядя весил намного больше меня, то лодку они с отцом накачали довольно сильно, не учтя законов физики и забыв, что воздух при нагревании расширяется. В самый разгар рыбалки вдруг раздался хлопок, один борт лодки быстро сдулся, а отец и дядя оказались в воде. Увидев, что лодка еще на плаву (в половине лодки и в надувном дне оставался воздух), они вытащили упавшие в воду удочки (глубина была не очень большая), положили их на дно лодки (рюкзаки оставались в лодке) и, держась за лодку, поплыли к берегу. Однако лодка почти не двигалась. Только потратив немало сил, они наконец-то сообразили, что нужно вытащить якорь.

На берегу выяснилось, что дыра в лодке очень большая и ремонт делать бесполезно. В общем, пришлось им покупать новую лодку, разделив ее стоимость на двоих.

Второе мое общение с пограничниками, правда, заочное, произошло пример-

но через несколько лет после описанного случая с установкой перемета.

События эти происходили в марте. Зима того года (1980 или 1981) была холодная, и море покрылось льдом. Отец ходил рыбачить на залив Какумяэ, где со льда ловил треску. Треска тогда попала крупная, весом несколько килограммов. Иногда, со слов отца, он даже не мог вытащить треску – она рвала леску, выдерживающую больше 10 килограмм веса. Я в то время зимней рыбалкой не увлекался, а когда через несколько лет стал ходить на зимнюю рыбалку, треска в окрестностях Таллинна и Палдиски уже не ловилась.

В тот день в начале марта отец рано утром, пока я спал, ушел рыбачить на залив Какумяэ. Я уже проснулся и позавтракал, когда в квартире раздался телефонный звонок. Я взял трубку и услышал вопрос:

– Скажите, Буйдин Владимир Александрович проживает по этому адресу?

– Да, – ответил я. – А кто его спрашивает?

– Сотрудник погранслужбы» (дальше была названа фамилия, которую я не помню). – А кем он Вам приходится?

– Это мой отец, – ответил я.

– А когда он родился?

– 9 ноября.

– Ну а какого года?

– Кажется, 1932-го.

– Как же так, молодой человек? – укоризненно сказал пограничник. – Вы даже год рождения своего отца не знаете! Он родился в 1931 году. Ну а где он сейчас находится, вы хотя бы знаете?

– Да, – ответил я, – он находится на рыбалке.

– А вот и нет, – сказал пограничник. – Он находится у нас на погранзаставе, и мы спасли вашему отцу жизнь.

– Спасибо вам, – пролепетал я. – А когда он будет дома?

– Скоро мы его отпустим, и вы его увидите, – ответил пограничник.

Через несколько часов приехал отец и рассказал следующую историю.

Он зашел на лед примерно в том месте, где ловил неделю назад, и начал сверлить лунки, при этом метрах в 800 от него уже была открытая вода. Тот факт, что кроме него других рыбаков не было, его не насторожил, так как и раньше людей там бывало мало. Опуская в воду блесну, он заметил, что леска опускается не вертикально, а идет в сторону. Немного поблеснив, он посмотрел в сторону бе-

рега и увидел, что во льду образовалась трещина. Отец смотал удочку, подошел к трещине, но перейти ее не смог, так как она была уже довольно широкая. Пройдя вдоль трещины, отец обнаружил, что льдина уже далеко отошла от берега и на сушу ему не выбраться. На берегу он увидел пограничную вышку и стал громко кричать и махать руками, так как других способов обратить на себя внимание тогда не было – мобильные телефоны появились намного позднее, а ракетницы у отца не было. Человек на вышке в рупор крикнул отцу, чтобы он ждал буксир, который и подошел к льдине через некоторое время. Отец побежал к нему, но с буксира крикнули, чтобы он не подходил близко, пока буксир не остановится. Когда буксир остановился, с него спустили веревочную лестницу, и отец забрался на палубу. В порту отца высадили на берег, где его уже встречали пограничники. Проверив документы (паспорт у него был с собой), пограничники спросили номер его домашнего телефона и позвонили по нему. Дальше состоялся описанный мною разговор.

После этого случая отец выходил рыбачить на морской лед только убедившись, что он достаточно прочный и на нем есть другие рыбаки.

Сюжеты о зимней рыбалке

Зимней рыбалкой я увлекся всерьез только в начале 1980-х годов, когда окончил институт и пошел работать в милицию.

В то время экипировка рыбаков для зимней рыбалки разнообразием не отличалась. Из одежды обязательно нужно было иметь ватные штаны и шубу или дубленку, на ноги – валенки с галошами (некоторые рыбаки поверх валенок одевали еще бахилы от военного костюма химзащиты), на голову – меховую шапку (у нас с отцом были шапки из кроличьего меха, которые от времени изнашивались и в приличные места надевать их было неудобно), а также теплые рукавицы с мехом или овчиной внутри на пару размеров больше, чтобы их удобно было сбрасывать с рук при поклевке.

Это сейчас в магазинах для рыбаков большой выбор одежды (одних только костюмов для зимней рыбалки десятки видов), а тогда в рыболовных магазинах, кроме снастей для ловли рыбы и других принадлежностей (ледобура, ящика для

зимней рыбалки и т.д.) ничего другого не было. Поэтому рыбаки одежду доставали сами через военторги и другие магазины.

Для моей первой зимней рыбалки отец дал мне свои ватные штаны (их у него было две пары), валенки, которые стали на два размера меньше после того, как намокли и высохли (у меня размер ноги меньше, чем у него) и рукавицы, которых у него тоже было две пары. У меня была своя старая дубленка из искусственного меха и свитер. Ледобур, черпак для льда и рыболовные ящики я купил в магазине. Отец снабдил меня также зимними удочками (их у него было много).

Зимняя удочка имела пластмассовую ручку в форме балалайки, внутри нее была маленькая пластмассовая катушка, на конце – пластмассовый хлыстик, на который одевался кивок, сигнализирующий о поклевке. Леска с катушки пропусклась через кивок, на конец лески привязывалась свинцовая мормышка (вольфрамовых мормышек, которые многие рыбаки используют сейчас, тогда в продаже не было). Эти удочки рыбаки называли «балалайками». Были еще зимние удочки – «кобылки», на которых, в отличие от «балалаек», вместо катушек было мотовильце для лески и две ножки, благодаря

которым удочку можно было ставить на лед и не держать постоянно в руках. В то время в продаже были еще зимние удочки для ловли на секушку (секушка представляла собой маленькую привязанную к леске блесенку, которую при ловле нужно было постоянно подергивать, но мы с отцом предпочитали ловить на мормышку и секушками не пользовались, хотя они у нас тоже были).

Когда я первый раз примерил рыболовную одежду для зимней рыбалки (одел свитер и ватные штаны), моя мама, увидев меня, спросила:

– А где пропеллер?

– Какой пропеллер? – удивился я.

– А ты посмотри на себя в зеркало – вылитый Карлсон, который живет на крыше, – сказала она.

Посмотрев в зеркало, я увидел, что действительно похож на Карлсона, но только на худого, так как я весил тогда 55 килограмм при росте 174 сантиметра, и ватные штаны мне были явно велики. Но пришлось довольствоваться тем, что есть.

До сих пор зимняя рыбалка мне нравится больше, чем рыбалка весной, летом или осенью. Есть своя прелесть в том, чтобы зимним морозным днем выбраться на природу, посидеть с удочкой у просвер-

ленной во льду лунки, поймать рыбу (неважно, какую, лишь бы не очень маленькую) и, учитывая короткий световой день, приехать домой не слишком поздно и в этот же вечер поужинать рыбой, которая еще утром плавала в реке или озере.

Зимним морозным воздухом на природе не дышишь, а будто бы пьешь его, получая энергию для организма, такую необходимую в зимнее время. Приятно, когда зимнее солнце ненадолго выглядывает из-за верхушек деревьев, освещая только лицо рыбака (все остальное покрыто теплой одеждой, в том числе руки в теплых перчатках, которые рыбак снимает ненадолго, только чтобы насадить на крючок насадку или снять с крючка рыбу). Даже если пасмурно и идет снег, это не ухудшает настроения, потому что, как говорит старая рыбацкая поговорка, самый плохой день, проведенный на рыбалке, лучше самого хорошего дня, проведенного на работе.

Ну а если замерз, есть старый проверенный способ согреться. Не тот, о котором многие сейчас подумали! Алкоголь на зимнюю рыбалку я никогда не беру, а беру только термос с чаем и бутерброды, так как после употребления зимой на природе крепкого алкоголя создается иллюзия

того, что стало теплее, а на самом потом замерзаешь еще сильнее. Другое дело – вернувшись с рыбалки, выпить дома грамм 100 (не больше!) водки или перцовки, закусив ее домашним соленым огурчиком или соленым грибком и жареной рыбой, которую я поймал и принес с рыбалки домой. Моя жена Ирина (дай Бог ей здоровья) успевает почистить и пожарить пойманную рыбу, пока я переодеваюсь и принимаю горячий душ после рыбалки.

Ну а на рыбалке самый простой и надежный способ согреться – это взять ледобур и просверлить несколько лунок. Уверяю вас, что после такой нагрузки (особенно в конце зимы или начале весны, когда толщина льда достигает 45 сантиметров) появляется желание снять верхнюю одежду, чтобы хоть как-то охладиться (но, конечно, этого делать не стоит, чтобы не замерзнуть).

Первые мои поездки на зимнюю рыбалку начале 1980-х годов были или в Мяннику (там находятся два больших карьера – Раку и Мяннику и несколько маленьких), или на морскую рыбалку в Хаапсалу. О рыбалке в Хаапсалу хочу рассказать отдельно.

В те времена зимы были более суровые, чем сейчас, и практически каждую

зиму морской залив около города Хаапсалу покрывался льдом. В выходные дни первая утренняя электричка из Таллина в Рийзипере была полностью забита рыбаками, так что пассажирам, заходившим на станциях Лаагри и Сауэ, оставались только стоячие места. В Рийзипере рыбаки пересаживались на дизельный поезд, который шел до Хаапсалу, так как электрички ходили из Таллина только до Рийзипере. Всего дорога из Таллина до Хаапсалу занимала около трех часов, после чего нужно было еще несколько километров идти пешком сначала по берегу, а потом по льду.

Место, где клевала рыба, обычно определяли по скоплению рыбаков. Когда кто-то из рыбаков начинал вытаскивать рыбу, это было видно издали по характерным движениям рук, которые производил рыбак, вытаскивая леску. Как говорили рыбаки, он начинал «шить». Заметив эти движения, другие рыбаки устремлялись к удачливому коллеге поближе и начинали его «обсверливать». Так на льду образовывалась большая группа рыбаков, по которой издали можно было определить наличие рыбы и, в зависимости от передвижения рыбаков, направление ее движения.

В Хаапсалу со льда хорошо ловились в основном окунь и плотва, но несмотря на то, что залив был неглубоким, иногда попадалась даже камбала. Рыбу ловили в основном на зимнюю удочку с мормышкой. В качестве наживки использовался мотыль и черви. Мотыля можно было купить рыболовном магазине, а червей в продаже не было, поэтому я с отцом копал их с осени, и зимой эти черви хранились в деревянном ящике, заполненном землей, в подвале дома в Палдиски, где жили родители моего отца (мои бабушка и дедушка). Иногда на льду залива Хаапсалу я видел рыбаков, ловивших окуня на секушку, но их было немного.

В конце дня рыбаки садились на дизельный поезд, следовавший в Рийзипере, чтобы там пересесть на электричку до Таллинна. Обстановка в дизеле была уже не такая, как утром. С покрасневшими от морозного воздуха и солнца лицами (а иногда и от воздействия горячительных напитков) рыбаки шумно доставали термосы с недопитым чаем, остававшиеся бутерброды, хвастались своим уловом или рассказывали всякие рыболовные истории.

После пересадки в Рийзипере на электричку становилось намного тише, так как

многие просто засыпали и просыпались только в Таллинне.

Рыбалка на карьерах в Мяннику была не такая уловистая, как в Хаапсалу, но имела важное преимущество: добраться на карьер можно было городским транспортом, причем довольно быстро — на дорогу уходило меньше часа.

В то время ни у меня, ни у моего отца машины еще не было, мы садились на городской автобус номер 5, доезжали до конечной остановки и дальше шли пешком до места ловли. Дорога занимала от 10 до 40 минут, в зависимости от выбранного нами места. На карьерах мы ловили плотву, окуня, ерша и даже пелядь (озерного сига), которая в конце 1980-х годов в карьере исчезла.

Однажды, когда я пришел с рыбалки, мне позвонил один знакомый. Я сказал ему, что он мне помешал, так как я на рыбалке поймал пелядь и собираюсь ее жарить. Этот знакомый рыбаком не был и юмора не понял, поэтому пришлось ему объяснять что пелядь – это рыба, а не то, что он подумал.

К зимней рыбалке я приобрел также своего коллегу по работе в милиции Владимира, который приехал с Украины и до этого зимней рыбалкой не увлекался. Од-

нажды, рыбака со мной на карьере Раку, Владимир спросил:

– А чего вы с отцом не ловите щуку?

– Да мы пробовали ловить на секушку, но кроме мелких окушков ничего не попадается, – ответил я. – Да и в продаже в рыболовных магазинах есть только кружки для летней ловли на живца, а для зимней ловли на живца снастей нету.

– А у меня есть знакомые, которые ловят щук на зимние жерлицы, – сказал Владимир и показал нам такую жерлицу, которую сделал сам.

Жерлица представляла собой кусок обычного резинового шланга длиной сантиметров 10, на который была намотана и закреплена наглухо леска, а в две дырки по краю шланга продет кусок капроновой веревки. На конце лески был привязан металлический поводок с петелькой на конце, а перед поводком на леске был закреплён грузик.

Как объяснил Владимир, конец поводка просовывался через жабры живца в его рот, в петельку вставлялся крючок-двойник, и живец опускался в просверленную заранее лунку. При этом в петлю, образованную закрепленной на шланге капроновой веревкой, вставлялась небольшая ветка толщиной с палец, которая должна

была быть немного шире лунки, чтобы шланг держался на ней и не упал в воду. Глубина определялась с помощью специального грузика, который пристегивался к металлическому поводку. Когда он доставал до дна, нужно было сделать несколько оборотов лески вокруг шланга (чтобы немного приподнять живца со дна) и закрепить леску в прорези, сделанной на шланге.

Через некоторое время после того, как Владимир показал нам зимнюю жерлицу, отец поймал небольшую плотвичку и со словами «Ну, посмотрим, сможешь ли ты на нее что-нибудь поймать» отдал Владимиру. Скептически посмотрев на манипуляции Владимира с жерлицей, мы с отцом отошли в сторону и продолжили ловить окушков и плотвичек. Через некоторое время мы вдруг услышали крик:

– Кажется что-то есть!

Подойдя к Владимиру, мы увидели, что он вытягивает за леску какую-то крупную рыбу (судя по его усилиям). Наконец из лунки показалась щучья голова. Владимир взял багорик, подцепил им щуку за голову и вытащил на лед. На вид щука была весом около 3 килограмм. Отец изумленно открыл рот и долго не мог ничего сказать.

– Ну надо же... – наконец вымолвил он.
– Никогда бы не подумал, что здесь есть такая крупная рыба.

После этого мы с отцом сделали такие же зимние жерлицы, как у Владимира, купили в магазине багорики и с успехом ловили на жерлиц щук и крупных окуней. Только чтобы не ломать каждый раз ветки, вырезали деревянные палочки, которые использовали многократно в течение нескольких лет для того, чтобы подвешивать на них жерлицы. Владимир познакомил меня также со своими приятелями, которые научили его ставить жерлицы, и я с ними неоднократно ездил на водохранилище Паункюла, где они обучали меня премудростям зимней ловли на живца, а также ловли самих живцов.

Знакомых Владимира звали Слава и Валера. Слава, водитель старенького грузовика, в кабине которого помещались шесть человек (рыболовные вещи грузили в кузов), прошел огонь воду и медные трубы. Купание в ледяной воде было для него обычным делом (хотя моржом он не был). Первое зимнее купание у него случилось, когда он опоздал на корабль (он был моряком). Подбегая к отходившему кораблю, он увидел, что трап уже убрали, но корабль еще не отошел от причала.

Недолго думая, Слава попытался запрыгнуть на борт корабля. Свои вещи он на борт закинул, но сам до борта не допрыгнул и упал в ледяную воду. Попытавшись вынырнуть, он уперся головой в большую плавающую льдину. Проплыв под водой вдоль льдины, он вынырнул на поверхность, где его подобрала морская корабля. Так что на свой рейс он успел.

Второй раз Слава искупался на водохранилище Паункюла. Случилось это в декабре, когда на водохранилище еще только образовался тонкий лед. Приехав в Паункюла и выйдя на берег, Слава и Валера увидели, что метрах в 200 от берега сидят рыбаки. Слава пошел вперед, Валера – за ним. Пока Слава наблюдал за рыбаками, ловят ли они что-нибудь (что угадывалось по характерным движениям рук), он не заметил, как вышел на прозрачный тонкий лед. Вдруг лед треснул, и Слава оказался в воде. Увидев это, Валера лег на лед и пополз, чтобы помочь другу выбраться из воды. Когда Валера дополз до края полыньи и подал Славе руку, тот почувствовал, что один сапог с его ноги сползает. Отпустив поданную Валерой руку, он нырнул под лед и двумя руками под водой натянул сапог на ногу (глубина там было больше трех метров, так как дно

Слава не достал). После этого он вынырнул на поверхность, и Валера вытащил его на лед. Несмотря на то, что в машине у Славы была запасная одежда, рыбалку решили на этом закончить.

Когда Слава рассказал мне эту историю, я спросил его:

– А если бы ты утонул, ныряя за сапогом?

– А что было делать? – ответил он. – Без сапога я по льду не смог бы идти.

Я тоже два раза проваливался на весеннем льду. Случалось это из-за того, что утром, когда я заходил на лед, он был еще довольно твердым, а к вечеру из-за дневного солнца становился рыхлым, и когда я возвращался тем же путем, что и шел утром, то провалился под лед. К счастью, глубина была небольшая (это было в Мяннику недалеко от берега), и я только зачерпнул воду в сапоги, а сам не тонул.

Как-то весной я вместе с Валерой и Славой приехал на Паункюла. Подойдя к водохранилищу, мы увидели, что там два слоя льда. Один – внизу, более толстый, который остался с зимы. Потом шел слой воды, а над ним образовалась корка льда толщиной 1-2 сантиметра. Наступая на этот верхний лед, нога продавливала его и упиралась в нижний слой льда, а вода

действовала, как смазка, поэтому идти было очень скользко.

Добравшись потихоньку до места ловли и начав ловить, я увидел интересную картину. Один рыбак из расположившейся недалеко от нас группы рыбаков пытался идти в сторону берега. Рыбаки эти, судя по их громким голосам и не очень скоординированным движениям, приняли энное количество алкогольных напитков «для согрева». Рыбак, двигаясь к берегу, после каждого шага падал и, матюгаясь на все водохранилище, снова вставал и делал следующий шаг.

Сделав десяток безуспешных попыток, он встал на четвереньки и пополз, разбивая в кровь руки о тонкий лед. Я еще раз убедился в том, что на зимней рыбалке лучше алкогольные напитки не употреблять.

Как-то приехав на Паункюла большой компанией из шести человек, я расставил жерлицы на щуку довольно близко друг от друга, так как у других рыбаков они были расставлены раньше и места мне для их установки оставалось не так много. Проверя одну из жерлиц, я почувствовал, что на ней сидит щука, но, видимо, она зацепилась за корягу, и мне ее было не вытащить. «Наверное, придется рвать леску», – поду-

мал я. Дернув за леску с большим усилием, я почувствовал на конце лески сопротивление рыбы. Подтащив щуку к краю лунки и поддев ее багориком, я увидел, что за ней в лунку вошла вторая щука, которую я также вытащил. Оказалось, что на две жерлицы одновременно клюнули две щуки, при этом обе вытянули лески навстречу друг другу. Встретившись, они перекрутили лески, и мне пришлось порвать леску на одной из жерлиц, чтобы вытащить щук.

После этого случая прошло несколько лет. Как-то зимним днем я расставил жерлицы на карьере Мяннику. Проверая одну из жерлиц, я увидел, что леска смотана, и почувствовал сопротивление рыбы. Стал вытаскивать леску и увидел, что сначала в лунке показался окунь (небольшой, грамм 200), которого я вытащил без багорика, а за ним на лед вылез второй окунь, уже крупнее (грамм около 300).

Я посмотрел вокруг. В радиусе больше 100 метров жерлиц не было видно. Стал вспоминать, сколько выпил накануне. Выпил я совсем чуть-чуть и, посмотрев на вытянутую вперед руку, я увидел, что она не двоится. Тогда я стал присматриваться повнимательнее к жерлице. Оказалось, что первый окунь заглотил живца, и то ли ему живец не понравился, то ли его испу-

гал второй окунь, но живца он попытался выплюнуть. А так как живец был маленький (кажется, это был мелкий ершик), то он проскочил у первого окуня через жабры и живца тут же схватил второй окунь, который и попался на крючок. Первый же окунь остался висеть на леске, как бусинка на ожерелье.

С зимней рыбалкой у меня связано еще много приятных воспоминаний. Например, в середине 1990-х годов я ездил с компанией во главе с водителем грузовика Славой на лед Пярнуского залива, где мы ловили окуня. В то время окуня можно было сдавать в приемные пункты, расположенные на берегу. Поймав за одну рыбалку 20-30 кг окуня и сдав в приемный пункт, можно было заработать неплохие по тем временам деньги – 500-600 крон. Некоторые рыбаки брали отпуск в конце зимы – начале весны и за месяц отпуска зарабатывали рыбалкой больше, чем зарплата на работе, заодно получая удовольствие от такой рыбалки.

Сейчас по закону вылов окуня в Пярнуском заливе ограничен пятью килограммами и на приемные пункты его сдавать нельзя, поэтому я в последнее время туда не езжу, предпочитая рыбачить на водоемах поближе к Таллинну.

Довелось мне ловить на зимней рыбалке и такую экзотическую для карьера Мяннику рыбу, как радужная форель. Дело было во второй половине 1990-х годов. В то время уже были популярными такие рыболовные соревнования, как «Золотая рыбка», проходившие на озере Пюхаярве в окрестностях Отэпя. В это озеро накануне соревнований запускали меченых специальными бирками окуней, среди поймавших этих окуней рыболовов разыгрывались призы, в том числе автомобиль. Эти соревнования в то время пользовались большой популярностью, и на них приезжали рыболовы даже из Финляндии и Швеции. Я сам в этих соревнованиях не участвовал, но многие мои знакомые ездили на эти соревнования, а один работник полиции (я в то время работал в Таллиннской префектуре полиции) даже выиграл автомобиль, украшенный нарисованными рыбками.

Как-то в феврале (год точно не помню) аналогичные соревнования были организованы на карьере Мяннику, только вместо окуней в карьер была запущена радужная форель, выращенная в одном из питомников. Я узнал об этих соревнованиях уже после их окончания от одного из своих знакомых, который в них уча-

ствовал. С его слов, в день соревнований не было поймано ни одного экземпляра радужной форели (а в карьер Мяннику запустили не только помеченную бирками, но и обычную радужную форель, так как призы должны были получить только рыболовы, поймавшие форель с бирками, а количество призов было ограничено). Вероятно, выращенная в питомнике форель, попав в дикий для нее водоем, получила сильный стресс и несколько дней не питалась вообще. После нескольких голодных дней у форели начался жор, и она клевала на все подряд: салаку, кусок колбасы или сосиски и даже, по словам одного из рыбаков (хотя это у меня вызвало сомнения), на булку.

Перепробовав различные насадки, мы с отцом остановились на вареной креветке, так как она лучше всего держалась на крючке. Первое время рыбалка была очень удачной. В один из дней я поймал 5 экземпляров радужной форели весом от 1,3 кг до 2,5 кг каждая (одна даже была с биркой). Позднее форель стала клевать хуже, и в конце марта – начале апреля я уже редко ловил больше одного экземпляра, а один раз даже не поймал ни одной.

Я мог ходить на рыбалку только в выходные дни (с понедельника по пятницу

я был на работе), а на карьере Мяннику в эти дни обычно было много рыбаков. Далеко не у всех рыбалка была удачной. Как я понял, очень много зависело от места ловли. Мы с отцом, как и было разрешено правилами рыболовства, ловили каждый на 3 снасти.

Одна снасть – это зимняя удочка, только с более толстой леской и большим поплавком с длинным штырем, чтобы его было видно издалека, а на конце лески привязан грузик и поводок с крючком, на который насаживалась насадка.

Две другие снасти – это зимние жерлицы, о которых я писал раньше, только вместо живца на крючок (вместо двойников стояли одиночные крючки) насаживалась креветка. Жерлицы ставились недалеко от поплавочной удочки, чтобы при их проверке был виден поплавок. Хотя расстояние от жерлицы до удочки было небольшое, у некоторых рыбаков случались неприятные казусы: форель так быстро утаскивала в лунку леску вместе с удочкой, что рыбаки не успевали удочку схватить.

Такой случай был и у моего отца, когда он увидел, что поплавок ушел в воду, и хотя запас лески был несколько метров, добежать он не успел и в результате

остался и без форели, и без удочки. Когда я шел проверять жерлицы, ставил металлический рыболовный ящик на удочку и поэтому таких случаев избегал.

В тот год ловлю форели мы закончили в начале апреля, когда выходить на лед стало опасно. Из рассказов рыбаков я узнал, что форель ловилась еще весной, летом и осенью на обычные летние удочки. Следующей зимой я несколько раз ставил жерлицы с креветкой, но форель уже не попадалась, а соревнования по ловле форели на карьере Мяннику больше не проводились.

Пляжная рыбалка

Ловля камбалы сильно отличается от ловли других рыб. Во-первых, камбала, как известно, – рыба исключительно морская и в пресноводных водоемах (реках и озерах) не обитает. А во-вторых, снасти для ловли камбалы не подходят для ловли других рыб, обитающих как в море, так и в пресноводных водоемах, например, окунь или щука. Окунь изредка попадает (при насадке на крючки червей) на снасти для ловли камбалы, но это скорее исключение.

Я начал ловить камбалу, еще когда учился в школе. Ловил я ее с морских причалов в Палдиски и Пирита (а один раз даже на острове Аэгна) на донки. Донка представляла собой леску длиной около 50 метров, намотанную на дощечку. На конце этой лески был свинцовый грузик. Обычно это был груз в форме ложки, так как я самостоятельно расплавлял свинец и заливал в обычную ложку для супа, а после его остывания просверливал дырку для привязывания лески. Выше груза к

леске крепились поводки из более тонкой лески с одинарными крючками на концах. Как правило, поводков было не больше трех. На рыбалке я сматывал леску с дощечками и укладывал кольцами рядом с собой. Взяв двумя пальцами леску выше поводков (примерно в полметре от груза), я раскручивал груз по часовой стрелке и, резко отпустив леску, направлял груз в море. Обычно донка улетала в море примерно метров на 30-40. Оставшуюся леску я наматывал на дощечку, а дощечку закреплял, чтобы рыба ее не утащила.

Позднее я стал использовать для донок при ловле камбалы спиннинги с инерционными катушками. Катушка называлась «Невская», и ее особенность заключалась в том, что при забросе нужно было следить за грузом и при его падении в воду притормаживать катушку пальцем. Если этот момент прозевать, то при остановке груза (при падении его в воду) катушка продолжала крутиться и из лески образовывалась так называемая борода, про которую говорят, что «борода» – это признак молодости спиннингиста, так как чтобы борода не образовывалась, нужно было иметь определенную практику ловли спиннингом. Позднее, когда в продаже появились безынерционные катушки

(сначала советского производства, потом и импортные), я стал пользоваться только ими, так как они более удобные и леску притормаживать не надо. Безынерционными катушками я пользуюсь и сейчас.

В конце 1980-х годов отец купил пластиковую лодку «Белла», и мы стали ловить камбалу с лодки сначала в Палдиски, а потом перевезли лодку в Какумяэ. Там находилась рыболовная база «Калев», где при наличии рыболовного билета «Калева» и после уплаты определенной суммы (какой именно, сейчас не помню) можно было взять в аренду лодку. Отец заключил с «Калевом» договор о хранении лодки на территории рыболовной базы. Плата за хранение лодки была небольшая, и нам это было выгоднее, чем арендовать лодку «Калева».

Снасти для ловли камбалы с лодки отличались от ловли с причала тем, что вместо спиннингов использовались короткие удочки для зимней рыбалки с довольно жесткими кивками на конце. Соответственно и грузики стояли небольшие, чтобы под весом кивок не прогибался. Можно было использовать обычный спиннинг, но тогда приходилось отламывать последнее кольцо спиннинга, так называемый тюльпан, и на его место ставить кивок. На-

садкой служили куски салаки и крупные черви.

Если в Палдиски камбала попадалась, как правило, на глубине от 5 до 15 метров, то в Какумяэ она ловилась на глубине не меньше 20 метров, а иногда даже глубже 30 метров. Кроме камбалы иногда на червя попадался окунь, а на кусок салаки – корюшка и бельдюга.

В середине 1990-х годов рыболовная база «Калев» закрылась, и наша лодка осталась без присмотра. В результате когда один раз мы с отцом приехали в Какумяэ, то вместо лодки обнаружили спиленный замок. Кто украл лодку – работники «Калева», местные рыбаки или кто-то еще, нам установить не удалось.

Из-за этого до знакомства со своим соседом по даче Сандером (а произошло это в 2002 или 2003 году) я больше камбалу не ловил.

Про Сандера хочу рассказать отдельно. Он так же, как и я, в начале 2000-х годов купил дачу в Лайтсе в том же кооперативе, что и я. Узнав от соседки по даче, что он увлекается рыбалкой, я решил познакомиться с ним. Подойдя к его даче, я увидел стоящую на заборе недопитую двухлитровую пластиковую бутылку пива. Через некоторое время

из дома вышел и хозяин бутылки – мужчина крепкого телосложения, лет на десять моложе меня, эстонец. Услышав мой явно не перфектный эстонский язык, он сразу же перешел на русский, сказав, что русский язык ему нужен для практики, и попросил меня по-эстонски с ним больше не говорить. В общении с ним я узнал, на каких ближайших озерах и реках можно рыбачить и какая рыба там ловится. Позже я не раз ездил с ним рыбачить на эти водоемы.

Приезжая на дачу, я сразу определял, дома Сандер или нет, по наличию пивной бутылки на заборе. По мере опустошения бутылки у Сандера пробуждалась тяга к трудовой деятельности. Поэтому увидев, что бутылка почти опустела и рядом с ней появилась новая, я знал, что Сандер сейчас начнет делать какую-нибудь шумную работу – пилить дрова или косить траву.

Однажды осенью Сандер подошел ко мне и спросил:

– Олег, ты не хочешь половить камбалу?

– Где? – спросил я.

– На пляже около поселка Ныва, – ответил он.

– Как можно ловить камбалу с берега без лодки? – удивился я.

– Поехали и увидишь, – сказал Сандер.

Мы договорились, что к рыбалке я привезу спиннинги и донки, на которые ловил в реках плотву и вимбу, только на донках Сандер посоветовал мне поставить поводки с более крупными крючками, а лучше купить в рыболовном магазине уже готовые донки для ловли камбалы. Вместо колышков, на которые я ставлю спиннинги при ловле на реках и озерах, он посоветовал использовать пластиковые трубочки длиной около 1 метра, которые продаются в строительных магазинах. Вместо колокольчиков, которые я обычно ставлю на конце спиннингов, чтобы услышать по их звону поклевку, он порекомендовал купить специальные светлячки, которые ставятся на конец спиннинга и при надламывании начинают светиться, так как камбала, по словам Сандера, лучше ловится в темноте.

В условленный день я подъехал на машине к даче Сандера. Донки для ловли камбалы я купил в рыболовном магазине, а спиннинги взял те, на которые ловил на донки в реках и озерах. Позднее выяснилось, что для ловли на море лучше использовать более длинные спиннинги (3,5-4,5 м), так как с их помощью можно дальше закидывать донки и, кроме того, морская

травы меньше цепляется за леску, если спиннинги более длинные и выше поднимают леску над уровнем моря. Хотя до этого в качестве наживки я пользовался только с салакой и червями, теперь я взял креветок и салаку, так как Сандер сказал мне, что на креветку камбала клюет лучше.

Остановившись у дачи Сандера, я сигнализировал и стал его ждать. Через некоторое время он появился с тремя спиннингами, рюкзаком и складным стулом. По дороге Сандер попросил заехать в магазин, где он купил пол-литровую бутылку водки и несколько банок пива. От нашего дачного кооператива до пляжа около поселка Ныва было около 50 км. Это расстояние мы проехали меньше чем за час, но за это время Сандер успел наполовину опустошить бутылку водки. Поставив машину на пляжной стоянке, я осмотрелся. Место было очень хорошо обустроено для отдыхающих. Тут же был деревянный туалет с двумя кабинками, в которых была даже туалетная бумага. Рядом со стоянкой располагались навесы от дождя, а около них – металлические мангалы, на которых можно было готовить шашлыки и другие гриль-закуски, тем более что дрова находились рядом.

Забрав свое рыболовное снаряжение, мы пошли к морю. На пляже уже стояли вставленные в пластмассовые трубочки спиннинги, а возле них сидели рыбаки. Тогда я понял, чем трубочки лучше рогулек. Дело в том, что трубочки, в отличие от рогулек, позволяют поставить спиннинг вертикально или с небольшим наклоном, что дает возможность выше приподнять леску, поэтому трава, которая прибывает волнами к берегу, меньше цепляется за леску. У рыбаков были такие же складные стульчики со спинками и подлокотниками, как у Сандера, сидеть на них было гораздо удобнее, чем на моем складном стульчике без спинки. Позже я тоже купил себе такой стульчик со спинкой и подлокотниками.

Сандер показал мне, как насаживать на крючок креветок (как насаживать куски салаки, я знал сам), и мы стали ловить. Пока было светло, камбала ловилась плохо. Когда стемнело, мы с Сандером достали фонарики (так называемые циклопы, или шахтерские фонарики), которые закрепляются ремешком на голове, и включили их. Фонарик у меня был давно, я использовал его, когда ездил на рыбалку с ночевкой.

Сандер показал мне также, как ставятся на конец спиннинга «светлячки»,

благодаря которым по движению кончика спиннинга можно было видеть поклевку. В темноте камбала действительно ловилась лучше. Почти сразу после наступления темноты Сандер задремал в кресле, так как успел уже допить бутылку водки и все привезенное пиво. К тому времени он поймал уже три или четыре камбалы. Я продолжал ловить примерно часов до 11 вечера, поймал около 10 камбал и решил, что пора собираться домой.

Разбудив Сандера, я стал собирать снасти. Сандер тоже собрал свои вещи, несмотря на то, что был сильно пьян. Но, как выяснилось на следующий день, одну донку с крючками он все-таки потерял. Обратная дорога показалась мне одним большим кошмаром. Дело в том, что, съехав днем с хаапсалуского шоссе, я не запомнил, по каким лесным дорогам ехал к пляжу. От Сандера толку было мало, так как на мой вопрос, куда ехать, он только что-то невнятно бормотал. Поколесив по лесным дорогам десяток лишних километров и обругав последними словами (про себя, а не вслух) Сандера, я наконец выехал на хаапсалуское шоссе и благополучно добрался до дачи.

Поехав с Сандером на следующую пляжную рыбалку, я постарался запо-

нить дорогу. У Сандера, как и в прошлый раз, с собой была бутылка водки, половину которой он выпил по дороге, и несколько банок пива. Половив некоторое время и поймав 2-3 камбалы, Сандер допил водку и пиво и уснул на своем стульчике. Однако через некоторое время проснулся, подошел ко мне и попросил ключ от машины, чтобы пойти спать. Так как уходить я еще не собирался, то отдал ему ключи от машины и попросил ее не заводить.

Через пару часов, когда я закончил рыбалку и подошел к машине, то увидел следующую картину: Сандер мирно спал на заднем сиденье, двигатель машины работал и температура на климат-контроле была поставлена на максимум. Поэтому когда я открыл дверь машины и заглянул в салон, мне показалось, что я открыл дверь в парилку бани. Естественно, бензина нам едва хватало доехать до дома, хотя накануне я заправил машину. Хорошо, что я запомнил дорогу, поэтому до дома мы добрались без приключений.

Решив больше вдвоем с Сандером не ездить, я приобрел к пляжной рыбалке своего отца, а также знакомых, которые до этого со мной ездили на зимнюю и на летнюю рыбалку, но о пляжной рыбалке, как и я раньше, представления не име-

ли. Заразил я пляжной рыбалкой и свою жену Ирину, которой она очень понравилась. Правда, Ирина обычно просит меня забрасывать спиннинги, так как у нее для дальнего заброса не хватает сил и умения, но крутит катушку, насаживает наживку и снимает рыбу она сама.

Недавно мой знакомый по имени Олег, которого я также приобщил к пляжной рыбалке, купил через интернет сигнализаторы поклевки. Эти сигнализаторы он ставит на спиннинги (3 сигнализатора он дал мне), и при поклевке на них загорается лампочка и звучит сигнал. Так что в последнее время «светлячки» я уже не ставлю и за кончиками спиннингов не слежу, так при поклевке камбалы включается сигнализатор.

Теперь на пляжной рыбалке можно спокойно сидеть на стульчике, смотреть на звезды или на море и, только услышав сигнал, подходить к спиннингу.

Самая большая камбала, которую я поймал на пляжной рыбалке, весила 850 г, но это большая редкость. В основном попадаются камбалы от 100 до 300 г, реже 400-500 г, и это уже считается большой удачей. Несколько раз при ловле камбалы мне попадались небольшие налимы (300-400 г). Другой рыбы на пляжной рыбалке

я не ловил. Из разговоров с рыбаками я узнал, что иногда при ловле камбалы попадается язь, сиг, угорь и даже морская форель-кумжа, но это бывает очень редко.

Метод контрастов

Стоял чудесный майский день. Мои знакомые Владимир и Василий выбрались поблеснить щуку на озеро Тыхела в Юго-Западной Эстонии. Это была их вторая рыбалка сезона на этом озере. Сезон на ловлю щуки каждый год открывается 11 мая, но в этом году открытие сезона у них прошло неудачно. В день открытия было холодно, шел мелкий противный дождь и, скорее всего, из-за падения атмосферного давления и перемены погоды щука наотрез отказалась от любых предлагаемых ей рыбаками приманок. Похлестав целый день спиннингами озеро и сменив десятки различных приманок, Владимир и Василий не увидели ни одной поклевки и в мрачном расположении духа уехали домой.

Теперь же, во второй половине мая, была их вторая рыбалка в этом сезоне на озере Тыхела. Озеро это небольшое (3-4 км в длину и 2 км в ширину) и мелкое – глубина редко где достигает полутора метров. По всему озеру разбросано много

островов, на которых гнездятся лебеди и другие водоплавающие птицы. На одном берегу расположены частные дома, пляж и рыболовные базы, где можно взять напрокат лодку, что Владимир с Василием и сделали. С трех сторон озеро Тыхела окружено болотами, и там выйти на берег невозможно.

Нельзя сказать, что Владимир и Василий были друзьями, они просто работали в одной организации, и их связывала одна общая страсть – рыбалка. Ранним утром, припарковав на рыболовной базе машину и взяв лодку, об аренде которой они накануне договорились по телефону, они пошли на веслах к противоположному от базы берегу, останавливаясь по пути для того, чтобы побросать блесны на перспективных участках.

Солнце уже вышло из-за горизонта, но небольшие облака закрывали его, ветер был слабый, но не полный штиль, в общем, погода для ловли щуки была идеальной, осталось только дожждаться поклевок.

Щучьи удары не заставили себя ждать. Василий вытащил первую щуку, правда, небольшую, чуть меньше килограмма, потом Владимир вытащил щуку, уже побольше, килограмма на полтора. Постепенно

они приближались к противоположному берегу. У каждого уже было поймано по две щуки. И тут Василий сказал Владимиру: «Что-то у меня живот крутит, боюсь, что до туалета на берегу базы я не дотерплю». Владимир, имевший горький опыт справлять малую нужду с борта лодки, теперь возил с собой полуторалитровую пластиковую бутылку из-под минеральной воды, у которой была отрезана верхняя часть вместе с горлышком.

Случай, после которого он стал пользоваться этой бутылкой, произошел осенью несколько лет назад на заливе Сутлепа, куда он приехал со своим знакомым Николаем блеснить щуку. Дело было в октябре, вода в заливе была довольно холодной. У Владимира и Николая были резиновые лодки. Владимир остановился поблеснить с одной стороны полуострова, а Николай зашел на лодке за полуостров, и его уже не было видно. Выпив с утра чая, Владимир решил избавиться от лишней жидкости в организме. Встав коленями на борт лодки, он начал растегивать ширинку, в этот момент лодка качнулась, Владимир потерял равновесие и упал за борт в ледяную воду. Хорошо, что залив Сутлепа мелкий и Владимир смог стоять на дне.

Однако ситуация получилась совершенно дурацкая: Владимир стоит по шею в воде, рядом с ним плавает кверху дном лодка, которую он самостоятельно перевернуть не может, не говоря уже о том, чтобы забраться на нее, и вокруг никого нет. Он уже стал вспоминать, сколько минут человек может прожить в ледяной воде, но тут из-за полуострова показалась лодка Николая.

Как выяснилось позже, Николай, увидев перевернутую лодку, решил, что Владимир утонул, и что есть силы погреб к лодке. Подплыв ближе, он увидел торчащую голову Владимира и обрадовался, что тот жив. Они вдвоем перевернули лодку Владимира, и Николай помог Владимиру на нее взобраться. Естественно что рыбалку на этом пришлось закончить, хорошо еще, что в машине была запасная одежда.

После этого случая Владимир и сделал для таких нужд упомянутую емкость из пластиковой бутылки, которую постоянно берет с собой на рыбалку. Наш общий приятель Олег действует иначе: вместо емкости он использует пластмассовую трубочку диаметром около 5 см, которую направляет через борт лодки в воду и считает, что так удобнее. Я для таких дел ис-

пользую маленькое пластмассовое ведерко, с которым мой сын Герман в детстве играл в песочнице.

В случае с Василием использовать указанную емкость было очень проблематично, так как, во-первых, она была для такого случая слишком узкая, а во-вторых, из-за волнения на озере лодку покачивало, и удерживать емкость в одном положении было трудно.

– Давай я дам тебе запасной пластиковый черный мешок (один мешок был предназначен для пойманной рыбы). Ты положишь его на дно лодки, а я отвернусь, – предложил Владимир.

– Давай, – согласился Василий.

В этот момент у Василия клюнула щука. Пока он ее вытаскивал, Владимир достал большой черный пластиковый мешок и положил на дно лодки. Василий вытаскивал щуку (весом около 2 кг) и бросил ее на дно лодки рядом с пластиковым мешком. Так как щука лежала спокойно, Владимир решил посадить ее на кулан позже, так как терпеть он уже не мог. Владимир отвернулся в другую сторону и продолжил забрасывать блесну, но тут он услышал сзади нецензурное выражение с упоминанием какой-то матери (но не Парижской Богородицы) и женщины легкого пове-

дения. Сначала он подумал, что Василий упал за борт, хотя всплеска не было слышно. Повернувшись, Владимир увидел следующую картину: щука, которая до этого лежала неподвижно, вероятно, услышала непривычные для нее звуки и проснулась. Сначала она запрыгнула на пластиковый мешок, лежащий на дне лодки, а потом стала яростно бить хвостом по куче, которую уже успел сделать Василий. Брызги от этой кучи полетели во все стороны. Василий, уже успевший надеть штаны, оказался забрызганным с ног до головы продуктом своей же жизнедеятельности.

Это сейчас Владимир со смехом рассказывает эту историю, а тогда он ошарашен и не знал, что делать. В общем, все получилось, как в старом анекдоте про метод контрастов. Мужчина устраивается на работу в цирк. Директор цирка спрашивает его:

– А что вы умеете делать?

– У меня есть номер под названием метод контрастов.

– И в чем заключается этот номер? – спросил директор.

– В середине арены цирка ставится огромный чан с дерьмом, а под куполом подвешивается пудовая гиря. По моей команде гирию отпускают, она падает в чан,

и брызги разлетаются во все стороны. Публика в шоке.

– А при чем здесь метод контрастов? – спрашивает директор цирка.

– А вот тут под звуки фанфар выхожу я в белом фраке, – отвечает мужчина.

В данном случае в белом фраке оказался Владимир, так как на него брызги не попали. Василию пришлось стирать в озере штаны, свитер и рубашку (куртку он положил около Владимира, и она осталась чистой), а также искупаться в озере. Поскольку вода в мае была еще довольно холодной, а моржеванием Василий не занимался, то удовольствия от купания он не получил, а только замерз. Хорошо еще, что стоял довольно теплый день, на солнце Василий довольно быстро согрелся, а через несколько часов высохла и его одежда.

Виновница происшествия – щука – была посажена на кулан и отправлена отмываться в свою родную стихию, а вечером в качестве наказания была отфилирована и отправлена на котлеты. Лодку Владимир и Василий отмыли, когда уже вышли на берег у рыболовной базы и выгрузили вещи.

Рассказывая об этом случае, Владимир говорил мне: «Видишь, какая ковар-

ная рыба щука, никогда не знаешь, чего от нее можно ожидать. Я с ним полностью согласен, так как у меня тоже был случай, когда лежащая спокойно на земле щука вдруг ни с того ни с сего подпрыгнула и укусила меня за палец. Но это уже совсем другая история.

Погорелец

Налим — рыба ночная. Чем темнее и длиннее ночи, тем лучше клев налима. Поэтому лучшим временем для его ловли считается период с конца осени до начала весны, когда дни короткие и темное время суток длится долго.

В один из таких дней в начале декабря Сергей и Николай поехали на реку Казари, чтобы половить налима. Приехали они вдвоем на автомобиле Сергея. У Сергея был свой небольшой бизнес в строительстве, приносящий ему неплохой доход, поэтому и автомобиль у него был соответствующий: джип «Ланд Крузер». Николай был простым строителем, его старенький «Форд» мог не осилить путь до реки, проходящий по заснеженным полям, поэтому он довольствовался ролью пассажира.

Приехав на место рыбалки еще за светом, Сергей и Николай стали готовить снасти для ловли налима. Снасти представляли собой спиннинги с катушками, на конец лески которых привязывались самодельные донки. Донки эти состояли

из тяжелого свинцового грузила, к которому был привязан метровый кусок лески диаметром 0,3 мм и 3 поводка из лески потоньше с одиночными крючками. На крючки насаживались куски рыбы, например, плотвы или густеры, которые можно было поймать здесь же в реке. Однако Сергей с Николаем поступили проще: купили свежей салаки, отрезали головы, разрезали на кусочки и насадили их на крючки. Забросив в реку донки с наживкой, они установили спиннинги на вырезанные деревянные рогульки и подвесили на них колокольчики, звон которых должен был сигнализировать о поклевке.

Стемнело довольно быстро, и, чтобы не замерзнуть и не сидеть в темноте, Сергей и Николай развели костер. Вечер был холодным, и хотя настоящих морозов еще не было и река льдом не покрылась, на полях кое-где уже лежал первый снег. Налим обычно клюет надежно, и если уж заглотил насадку, то, как правило, ее не выплевывает и от места поклевки не уходит, а остается лежать на дне. Зная это, наши рыбаки уселись у костра на привезенных стульчиках и решили поужинать чем бог послал. А бог им послал кроме домашней снеди, приготовленной их женами, еще две пол-литровые бутылки водки.

Налив понемногу водки в пластиковые стаканчики, Николай и Сергей подошли к реке и, по старой рыбацкой традиции, плеснули в реку водки для «водяного», произнося только им известные заклинания, помогающие поймать налима. Потом вернулись к костру, налили себе водки и стали с аппетитом есть. На рыбалке в холодное время да еще и после выпитой рюмки отсутствием аппетита никто не страдает. Колокольчики на спиннингах упорно молчали, и приятели стали вспоминать различные рыбацкие истории.

– Помнишь, в советское время по правилам рыболовства одному человеку за сутки разрешалось поймать не больше 50 штук плотвы? – спросил Сергей.

– Конечно, помню, – ответил Николай.

– Так вот, приехали мы как-то в начале мая компанией сюда на реку Казари, – стал рассказывать Сергей. – Погода была довольно теплая, даже можно сказать, жаркая для начала мая. Плотва клевала, как из пулемета, причем отборная, крупная. Была бы мелкая, можно было бы часть отпустить. Довольно быстро мы наловили каждый по 50 штук, а времени до конца рыбалки оставалось еще много. Стали решать, что делать. Был выходной день, суббота или воскресенье, а в такие дни инспектора

Рыбнадзора любили устраивать проверки. Платить штраф никто из рыбаков не хотел, поэтому выловленную рыбу решили отнести в машину (она стояла недалеко от реки на поле) и продолжить ловить. До конца рыбалки к машине пришлось сходить с рыбой несколько раз. Хорошо что у каждого были с собой по несколько полиэтиленовых мешков. Наконец, когда солнце уже клонилось к закату, рыбалку решили закончить. Сложили удочки, забрали рыбу и подошли к машине. Когда открыли багажник, лица у всех рыбаков вытянулись: из багажника им в нос ударил запах тухлятины. Машина стояла на жаре с закрытым багажником, вся находившаяся там рыба протухла, и ее пришлось выбросить. Рыбаки остались только с тем уловом, который вечером принесли к машине. Так что дневной лимит вылова оставшейся плотвы никто не превысил.

– Да, – согласился Николай, – жадность ни к чему хорошему не приведет. Был у нас такой случай. Рыбачил я со знакомыми на острове Сааремаа. Дело было в конце апреле, и плотва в речке стояла стеной. Однако когда мы приехали, все хорошие места были уже заняты рыбаками и приходилось довольствоваться тем, что осталось, а ловить с них было очень

не удобно. У одного из наших рыбаков, у Олега, был с собой резиновый костюм (резиновые штаны с сапогами). Он надел этот костюм, встал почти посередине речки (она была неглубокая) и начал спокойно ловить плотву. Ему никто не мешал, так как все остальные ловили с берега. Пока каждый из нас ловил 1-2 плотвы, он успевал поймать 5-6 штук. Дело близилось к вечеру, мы уже закончили рыбалку, развели костер и сели ужинать, а Олег продолжал ловить. Мы стали звать его к ужину. Нехотя он закончил рыбалку, тем более что мы пообещали, что если он сейчас не придет, то водки мы ему не оставим. Олег попытался поднять садок, но рыбы было в нем так много, что ему это не удалось. Тогда он присел, закинул верхний край садка на плечо, а когда стал выпрямляться, садок потянул его назад и Олег упал в воду вместе с садком. Почти вся рыба из садка ушла. Олег искупался в холодной воде и, злой и мокрый, ругаясь последними словами, вышел на берег. У рыбаков нашлась для него сухая одежда, ему налили водки для согрева, но он долго еще сидел с мрачным видом, не говоря ни слова. Так что жадность всегда бывает наказана, – подытожил свой рассказ Николай.

За разговорами время прошло незаметно, колокольчики на спиннингах упорно молчали (налим по какой-то причине не клевал), а сытный ужин и выпитая водка действовали, как снотворное. Разомлевшие от тепла костра рыбаки уснули. Одежды они были по сезону: кроме утепленных рыболовных костюмов из синтетики на Николае была ватная фуфайка, а на Сергее – тулуп из овчины. Оба были в теплых шапках и в теплых зимних сапогах. Через некоторое время Николай сквозь сон услышал крик Сергея:

– Воды! Воды!

– Что, Сережа, попить хочешь? – не открывая глаз, спросил он. – Возьми бутылку воды в рюкзаке.

Однако Сергей продолжал кричать:

– Воды! Воды!

Открыв глаза, Николай увидел следующую картину: Сергей бегал вокруг костра с вытаращенными глазами и кричал «Воды! Воды!», а от его спины шел дым, как из трубы паровоза.

– Беги к реке! – крикнул Николай и показал Сергею направление.

Сергей побежал к реке, было слышно, как он плюхнулся, и раздалось шипение, как от брошенного в воду раскаленного камня. Когда Сергей вернулся и снял ту-

луп, выяснилось, что от загоревшегося от костра тулупа его рыболовные штаны расплавились и сзади намертво прилепились к его пятой точке.

– Садись за руль и срочно вези меня в больницу! – корчась от боли, попросил Николай Сергей.

– Как же я сяду за руль? Я же выпил! – сказал Николай.

– А что делать! Я даже сидеть не могу, а ехать надо! – ответил Сергей.

Наспех собрав вещи и побросав спиннинги с донками в багажник, они отъехали от реки. Николай сел за руль, а Сергей стал на четвереньки на заднем сиденье и выставил свою заднюю часть в открытое окно машины.

Но на этом приключения наших горе-рыбаков не закончились. Перед поселком Лихула их остановил полицейский патруль. Потребовав предъявить документы, полицейский одновременно дал Николаю алкометр и попросил в него дунуть.

– Да, я действительно выпил, но посмотрите, какая у нас беда! – взмолился Николай, показав на Сергея.

Полицейский выслушал рассказ Николая, позвал своего напарника из машины, и они громко рассмеялись, глядя на по-нуро стоящего на четвереньках Сергея.

Наконец, смилостивившись над нашими рыбаками-неудачниками, они разрешили Николаю продолжить движение, а сами, включив мигалки, поехали впереди на полицейской машине. Сопроводив машину с Николаем и Сергеем до больницы, полицейские уехали. Подойдя вместе с Сергеем к дежурной медсестре, Николай стал рассказывать ей, что случилось. Медсестра сначала с серьезным видом слушала, но потом ее разобрал такой смех, что тушь потекла с ресниц.

– Что вы ржете? – возмутился Сергей. – Быстрее помогите мне, а то пожалуюсь вашему руководству.

Медсестра отвела Сергея к дежурному врачу, где ему была оказана необходимая помощь, и в Таллинн он смог уже вернуться за рулем своего автомобиля. Приехав домой среди ночи, Сергей зашел в комнату и стал раздеваться. На шум вышла проснувшаяся жена.

– Ну что, Сережа, рыбку-то поймал? – спросила она.

– Ничего не поймал, – буркнул Сергей и стал снимать штаны.

– Ой, а ты чего это в памперсах? У тебя что, недержание мочи? – удивилась жена.

Сергей рассказал жене о случившемся. Услышав рассказ Сергея, сон у жены

сразу же прошел, и она смеялась так, что ей самой чуть не понадобились памперсы.

После этого случая прошло несколько месяцев. Ранним апрельским утром Сергей за рулем своего джипа ехал с компанией приятелей рыбаков на рыбалку. Не доезжая нескольких километров до поселка Лихула, его машину остановил полицейский патруль. Полицейские попросили Сергея дунуть в алкометр. Так как в этот день Сергей не выпивал, алкометр наличие алкоголя не показал. Сергей уже хотел уехать, но вдруг полицейский разоткровенничался.

– А вот несколько месяцев назад на этом же месте мы остановили такую же машину, и за рулем сидел пьяный водитель. Как выяснилось, его товарищ у костра обжег себе всю заднюю часть, и он вез его в больницу. Так мы не стали составлять протокол и даже проводили их машину до больницы в Лихула.

Сидевшие в машине с Сергеем рыбаки еле сдерживали смех. И только Сергей, не глядя на полицейского, сделал вид, что его эта история никак не касается.

Мой пес Донни

Когда моему сыну Герману исполнилось три года, он стал просить, чтобы ему подарили «собачку с хвостиком». Почему именно с хвостиком, он не объяснил, но, видя на улице собак различных пород типа боксер или ротвейлер, он говорил, что такие собаки ему не нравятся.

Моя двоюродная сестра Алла в то время занималась разведением собак породы далматинец, которые были тогда (это была середина 1990-х годов) очень популярны, вероятно, благодаря вышедшему в те годы на экран фильму «101 далматинец».

Когда она назвала мне сумму, за которую они с мужем Францем продавали щенков, я понял, что даже если мы с женой несколько месяцев не будем платить за квартиру и ограничим себя в еде, то все равно денег на покупку щенка нам не хватит.

Однажды вечером она пришла к нам в гости и принесла маленького щенка далматинца.

- Щенок хороший, – сказал я, – но, к сожалению, не смогу его купить, так как для меня это дорого.

- Ничего, – сказала Алла, – мы все-таки родственники. Поэтому заплати какую-нибудь символическую сумму.

Я дал ей 10 эстонских крон, и она сказала, что этого достаточно. После этого она дала паспорт на собаку, где были указаны все данные щенка, в том числе дата рождения, порода, родословная и кличка щенка – Донни. Хозяйкой щенка она записала мою жену Ирину, которая неоднократно после этого говорила мне, что даже у собаки есть эстонский паспорт, а у нее нет (она тогда еще не успела сдать экзаме́н на эстонское гражданство).

Выслушав от Аллы рекомендации по уходу за щенком и поблагодарив ее за такой щедрый подарок, мы стали думать, как обустроить ему уголок в комнате. Я положил щенку на пол детский матрас, на котором раньше спал Герман, поставил миску с водой и сухой корм, который Алла принесла с собой, сказав что на первое время его хватит.

Щенок сразу же сделал лужу в коридоре и пошел осматриваться в квартире. Положенный для него на пол матрас он проигнорировал и когда мы с женой лег-

ли спать и закрыли дверь в спальню, он долго скулил под дверью пока мы его не пустили на кровать. Там он улегся у нас в ногах и заснул. Утром, проснувшись, Герман увидел щенка и очень обрадовался, сказав:

- Вот теперь у меня есть собачка с хвостиком!

Выпросив у знакомых собачников литературу по уходу за собаками, я стал дрессировать щенка. Он довольно быстро освоил команды «сидеть», «лежать», «голос» и «ползи». Также я довольно быстро научил его ходить по бревну на собачьей площадке и прыгать через барьер. Однако команду «апорт» Донни выполнял очень своеобразно: когда я бросал какой-нибудь предмет, например, деревянную палочку, он по команде «апорт» радостно бежал за ней, приносил, но не отдавал мне, а ложился и держал ее в зубах, пока взамен я не предлагал ему какое-нибудь угощение.

Когда щенок вырос, я стал приучать его спать на выделенном для него детском матрасе, так как, лежа у нас женой в ногах на кровати в спальне, он ночью переворачивался, чесался и мешал нам спать. Постепенно он понял, что на кровать залезать нельзя, но постоянно нарушал этот

запрет. При этом можно было ему кричать «уходи», «кыш», «брысь» или что-нибудь в этом роде, он не реагировал. Но стоило мне или жене сказать «А кто будет с позором изгнан?», и пес, поджав хвост, понуро слезал с кровати и шел ложиться на свой матрас.

Однажды рано утром я ушел на рыбалку. Когда я уходил, собака мирно спала на своем матрасе. Был выходной, и жена спала, так как ей не надо было рано вставать. Вдруг сквозь сон она услышала храп. «Олег, ты что, на рыбалку не пошел?» – спросила она. Ответа не последовало, но храп продолжался. Повернувшись она увидела довольную собачью морду, мирно спящую на моей подушке.

Команду «гулять» Донни знал хорошо, но реагировал на нее очень медленно и лениво. Однако стоило только мне сказать: «А не пора ли нам освежиться», как он тут же вскакивал и бежал к входной двери, ожидая, когда на него наденут ошейник и поводок.

Мой сын Герман очень любил играть с собакой в прятки. Спрятавшись за диваном, в шкафу или под столом, он просил меня позвать Донни. Я звал собаку и говорил: «Ищи Германа». И пес всегда безошибочно находил его.

Вообще с детьми Донни ладил хорошо. Когда к Герману приходили друзья по детскому саду, а в дальнейшем – и по школе, они очень любили играть с собакой. Бывало, надевали на Донни кофту, шапку и ботинки, он терпел, даже не рычал на них. Только если уж совсем доставали его, например, дергали за уши, то он мог гавкнуть пару раз, чтобы оставили его в покое, но никогда никого не кусал.

Зато кого Донни не любил, так это людей с другим цветом кожи. Не знаю, откуда у него взялись такие расистские наклонности, но стоило ему на улице увидеть человека азиатской или африканской внешности, как он начинал злобно лаять и рваться с поводка, хотя на обычных людей с белым цветом кожи не реагировал и даже, в отличие от других собак, хорошо относился к пьяницам.

Может быть, это объясняется тем, что когда мы в теплое время гуляли с ним, он подбегал к компании сидящих на природе и выпивающих людей, те угощали его чем-нибудь вкусным, несмотря на то, что я запрещал Донни брать угощение у чужих людей.

Также я запрещал ему брать что-нибудь с кухонного стола. Но несмотря на это приходилось быть бдительным, по-

тому что стоило мне отвернуться, как приготовленный на завтрак бутерброд с колбасой мог быть мгновенно украден собакой. И даже после того, как в наказание Донни бывал заперт в комнате, он и в дальнейшем пытался что-нибудь стащить со стола, когда мы отвлекались на другие дела.

Однажды благодаря Донни мы спасли жизнь человеку. Дело было зимой, мороз был около 10-15 градусов, шел снег. Мы с женой вечером по темноте вышли погулять с собакой. Пройдя обычным маршрутом вдоль Петербургского шоссе, мы уже хотели повернуть обратно, но пес убежал вперед, и сквозь снег его не было видно. Наконец Донни появился, неся в зубах черную кожаную кепку. Забрав у него кепку, мы пошли в ту сторону, откуда он прибежал, и вскоре увидели лежащего в снегу пьяного мужчину. Подняв его я спросил:

- Ты где живешь?

- На Махтра... – невнятно пробормотал он.

Взяв его под руки, мы вдвоем с женой потащили мужчину к нашему дому. По пути он только что-то бормотал, но добиться от него, в каком именно доме он живет, мы так и не смогли. Наконец он по-

казал на дом, стоящий напротив нашего, и сказал:

– Здесь...

Заведя его в подъезд, мы оставили мужчину греться у батареи, так как номер своей квартиры он не помнил. Мы надели на него украденную собакой кепку и пошли домой. Через некоторое время мы увидели, что он уже довольно уверенным шагом, хоть и пошатываясь, идет в соседний дом, и решили, что он отогрелся и вспомнил свой адрес.

Однажды летом я вместе с женой Ириной, сыном Германом и собакой поехал на рыбалку на карьер недалеко от Саку (кажется, этот карьер называется Таммемяэ). Это был выходной день, и на берегу по всему карьеру было много отдыхающих, которые с шумом залезали в воду купаться. Естественно, ловить рыбу в таких условиях было невозможно.

Посередине карьера находился остров, добраться на который можно было только на лодке, поэтому там людей я не видел.

Надувная резиновая лодка была у меня в багажнике автомобиля. Вопрос был только в том, как мне перевезти на остров жену, сына и собаку, так как всех одновременно из-за небольшой грузо-

подъемности лодки перевезти было невозможно.

Эта задача напомнила мне детскую загадку про то, как перевезти в лодке на другой берег волка, козу и капусту, если одновременно в лодку можно было взять только кого-то (или что-то) одного (одно). Та загадка разрешалась так: сначала в лодке на другой берег перевозилась коза, а волк оставался с капустой на этом берегу. Потом перевозился на другой берег кочан капусты, а козу везли обратно к волку. Но, высадив козу на берег, забирали волка и везли к капусте. После этого возвращались за козой и перевозили ее на другой берег.

Свою задачу я решил проще: сначала перевез на остров собаку и привязал ее к дереву. Я знал, что Донни боится плавать, хотя и любит купаться, но только там, где мелко. Поэтому я не боялся, что он выпрыгнет в воду из лодки. Оставив привязанную собаку на острове, я вернулся за женой и сыном. Доставив их на остров, я отвязал Донни, отпустив его побегать по острову (людей, кроме нас, на острове не было), а сам стал рыбачить. Ирина с Германом рыбачить не захотели и просто загорали на берегу. Вечером, закончив рыбалку, я в том же порядке перевез всех с

острова на берег, только с той разницей, что перевезенного Донни я привязывать не стал, а оставил его в запертой машине. Было уже не жарко, но окна в машине я оставил слегка приоткрытыми.

В то время, когда у нас появился Донни, у родителей жены (моих тестя и тещи) была дача в Лайтсе, на покупку которой мы с женой также добавили денег, поэтому считали, что дача наша общая. Огородными работами занимались я и Ирина, тесть иногда помогал нам, но в основном занимался на даче строительно-ремонтными работами. Теща огородом не занималась, только готовила еду и гуляла по даче с Германом.

Когда мы в первый раз приехали с собакой на дачу (машина «Жигули», а позднее «Опель», у нас была своя), теща, увидев Донни, спросила:

- Вы почему завели собаку, не спросив у нас разрешения?

- А если мы захотим завести второго ребенка, у вас тоже надо разрешения спрашивать? – вежливо поинтересовался я.

Теща ничего не ответила, но с тех пор когда мы приезжали на дачу с собакой, они с тестем по-быстрому собирались и уезжали домой (жили они отдельно от нас на улице Астангу).

Донни чувствовал, что теща его не любит, и когда мы приезжали на дачу, старался держаться от нее подальше.

Однажды весной, когда дачный сезон еще не начался, я сидел дома на диване, рядом сидел Донни.

- Ну что, Донни, весна наступила, скоро на дачу поедem. Хочешь на дачу? – спросил я.

Донни радостно заскулил.

- А ведь туда еще будет ездить теща, – сказал я.

- Гав-гав! – злобно залаял пес.

Через пару лет после этого теща с тестем дачу продали, а часть денег от продажи дачи отдали нам с женой. За несколько лет мы накопили не очень большую сумму, но достаточную для того, чтобы купить небольшой садовый домик в Лайтсе. Этот кирпичный домик состоял из одной комнаты, которая являлась одновременно и кухней с дровяной печкой, и пристроенного небольшого сарая, в котором хранился садовый инвентарь, дрова и находился туалет. К домику была пристроена теплица с металлическим каркасом и стеклами, которые со временем я поменял на поликарбонат, так как стекла каждую зиму трескались от снега и мороза.

В этом домике мы помещались вчетвером: я, Ирина, Герман и Донни. Мы с женой спали на раскладном диване, Герман – на раскладушке, а Донни – на матрасе на полу. Весной, летом и в начале осени в доме было довольно уютно и тепло, особенно если немного протопить печку. Долго топить печку было нельзя, так как иначе в домике становилось жарко, как в бане.

Однажды в конце октября, в одну из последних поездок перед закрытием дачного сезона, выдалась особенно холодная ночь и даже выпал снег. Несмотря на то, что я с вечера хорошо протопил печку, к утру стало довольно прохладно. Ночью сквозь сон я услышал, что Донни встал со своего матраса и начал ходить по домику. Потом он тихонько заполз к нам с женой на диван, залез под одеяло и затих. Пожалев замерзшего пса, мы не стали его выгонять, а так и проспали до утра.

Примерно через год после этого я взял в банке кредит, часть денег мне добавили мои родители, и купил уже настоящую дачу в этом же кооперативе в Лайтсе. Я с женой, Германом и собакой поселился на даче, а мои родители поселились в садовом домике, про который я рассказывал раньше. Родители и до этого приезжали к

нам на дачу, и наша собака им нравилась, но только ночевать им было негде.

В садовом домике, в котором они поселились, был маленький холодильник, который очень шумно работал, поэтому на ночь родители его отключали. В связи с этим отец вечером складывал привезенные из Таллинна продукты в полиэтиленовый мешок и оставлял около домика в металлическом шкафчике, дверь которого подпирал кирпичом. Так как отец с матерью приезжали на дачу всего на сутки, то продуктов они брали с собой немного. Однажды родители услышали ночью около домика какой-то шум, а утром отец обнаружил, что дверь металлического ящика открыта, полиэтиленовый мешок порван, а все продукты украдены. Позднее мы установили и вора.

Это была собака-дворняжка, которая прибегала вечером с соседского дачного кооператива. Тогда отец стал на ночь подвешивать мешок с продуктами к садовому зонтику в том месте, где он раскрывается. Один раз я наблюдал, как дворняжка пыталась достать мешок с продуктами из-под зонтика, но это ей не удалось, так как допрыгнуть до них она не смогла.

Скоро после этого мы с женой купили на дачу новый холодильник, а тот, который

был у нас на даче, перенесли в садовый домик, где ночевали родители. Проблема с их продуктами решилась, так как этот холодильник работал почти бесшумно.

На купленной нами даче было намного просторнее, чем в садовом домике. Там было две комнаты, кухня с прихожей, туалетом, маленькая комнатка с умывальником и две веранды. Теперь мы уже не теснились, так как для сна у нас женой была своя комната, у Германа – своя, а Донни, который любил тепло, располагался на матрасе недалеко от печки.

Однажды ночью, когда мы спали на даче, началась сильная гроза. Молнии были где-то близко и часто, и грохот стоял, как во время бомбежки. Я пошел отключить электричество на даче и увидел, что бедный пес от страха сделал лужу, стоит в ней и трясется. Я как мог успокоил Донни, отвел его к матрасу и посидел с ним, пока гроза не закончилась. По счастью, гроза длилось недолго, и вскоре мы все заснули.

Гулять с собакой на даче мы выходили за территорию кооператива. Если бы мы отпускали Донни погулять около дачи, то он бы потоптал все грядки соседям. Хотя некоторые наши соседи по даче своих собак на привязи не держали и мы часто видели собачьи следы на наших грядках.

С возрастом Донни бегал уже не так резво, как раньше, через некоторое время на прогулке уже только медленно ходил, прихрамывая. Когда ему исполнилось 16 лет (для собаки это уже старческий возраст), он уже совсем не мог ходить, пройдя несколько шагов, падал. Видно было, что собака мучается, и мы с женой решили его усыпить. Я отвез Донни в ветеринарную клинику, где ему сделали смертельную инъекцию. После этого мы отвезли его на дачу и похоронили в огороженной шифером могилке, на которой каждый год весной сажаем цветы разных видов, чтобы они цвели до глубокой осени.

Бывший лучший, но опальный стрелок

Был конец декабря 1982 года. Я, тогда молодой инспектор ОБХСС УВД Таллина, лейтенант милиции, не успел еще раскрыть никаких серьезных дел, связанных с экономической преступностью. И вот я получаю задание от своего непосредственного начальника Яака Хиндриксона раскрыть преступление, связанное с дачей взятки работнику Таллиннского военкомата за оформление фиктивной справки о якобы нахождении на военных сборах работника Таллиннского архитектурного бюро Яана Сийтама.

В результате этой аферы Я. Сийтам месяц отдыхал, не побывав ни на каких военных сборах, с сохранением зарплаты. Я. Хиндриксону удалось уговорить его написать явку с повинной, а в то время, согласно УК ЭССР, человек, написавший явку с повинной о даче взятки, освобождался от уголовной ответственности.

Согласно утверждению Я. Сийтама, посредником в даче взятки работнику во-

енкомата (Михаилу Петрову, который подписал справку) был его коллега по работе Эльмар Руус. Я тогда и предположить не мог, что в такой небольшой организации, как Таллиннское архитектурное бюро, могли работать два человека с одинаковыми фамилией и именем.

Звоню в адресное бюро и выясняю адрес, по которому проживает Эльмар Руус. Так как проживающих в Таллинне лиц с таким именем и фамилией несколько, то в адресном бюро у меня спрашивают дополнительные данные. Год рождения я не знаю, знаю место работы. В адресном бюро мне говорят, что да, есть один человек с такой фамилией и именем, работающий в Таллиннском архитектурном бюро.

В дальнейшем выяснилось, что другой Эльмар Руус, согласно данным адресного бюро, работал в другой организации, хотя в это время он уже перешел на работу в Таллиннское архитектурное бюро.

Высылаю повестку по полученному в адресном бюро адресу. Через три дня (повестку я выслал заранее) ко мне в кабинет заходит мужчина средних лет, эстонец, хорошо говорящий по-русски. В то время я по-эстонски говорил плохо и поэтому обрадовался, что не нужно искать пере-

водчика. В качестве переводчика обычно выступал кто-то из моих коллег-эстонцев.

Начинаю разговор с Эльмаром Руусом. Сначала (как учили в школе милиции) веду общий разговор о его работе, семье и т.д. Мужчина ведет себя спокойно, не нервничает, но все-таки спрашивает, зачем его вызвали.

Перехожу к делу и объясняю, что в случае чистосердечного признания в посредничестве в даче взятки суд учтет это как смягчающее обстоятельство (от уголовной ответственности освобождется только взяткодатель). Он все отрицает и говорит, что никакой взятки не передавал. На мой вопрос, знает ли он Я. Сийтама, говорит что знает, так как работает вместе с ним. А на мой вопрос, почему же тогда Я. Сийтам утверждает, что передавал ему деньги (кажется, это была сумма в 50 рублей) для передачи работнику военкомата, он говорит, что речь идет не о нем, а о другом человеке. Спрашиваю: вы – Эльмар Руус? Он отвечает: да, я. Однако не объясняет мне, что в Таллиннском архитектурном бюро работает еще один Эльмар Руус, его полный тезка. Я ему говорю: ну, раз вы Эльмар Руус, значит, и деньги Я. Сийтам передавал вам. Он опять говорит, что денег не брал.

Ну что же, надо человека «колоть». Вывожу его в коридор и показываю на окна арестантского дома.

– Видите эти окна с решетками? Вот там вам придется встретить Новый год, если вы не признаетесь.

Мужчина начинает нервничать.

– Ну что, будем признаваться? – спрашиваю я. – Могу оформить явку с повинной, это смягчает наказание, и в тюрьму вас не посадят.

– Хорошо, я готов дать показания, только напомните, что там было, – говорит он.

– По словам Сийтама, вы передали полученные от него деньги работнику военкомата Михаилу Петрову, – начинаю подсказывать я. – Было такое?

– Да, было, – отвечает Руус.

– Где вы встретились с Петровым и когда?

– Встретились в кафе в центре Таллинна, когда, не помню, – отвечает он.

– Какую сумму денег вы передали работнику военкомата М. Петрову?

– Не помню.

– Что же это вы не помните таких вещей? – спрашиваю я.

– Я в кафе выпил один целую бутылку коньяка, поэтому и не помню.

– А где вы познакомились с Петровым?

– В этом же кафе, случайно. Он сел за мой столик и предложил услуги по оформлению фиктивных справок, – говорит Руус.

Я оформил явку с повинной, возбуждал уголовное дело и отослал материалы дела в Военную прокуратуру Таллинна (это была их подсудственность), а мне пошло в учет раскрытие взятки.

Прошел месяц. В один из дней в мой кабинет заходит Яак Хиндриксон и сообщает:

– Мне звонили из Таллиннской прокуратуры, оказывается, ты «расколос» на взятку не того человека, и теперь они решают вопрос о возбуждении против тебя уголовного дела за принуждение к даче показаний.

В прокуратуре мне назначают день, когда я должен приехать на очную ставку с Э. Руусом. Захожу в кабинет к следователю прокуратуры. Там сидит на стуле Руус. Сажусь напротив.

– Это тот инспектор, которому вы писали явку с повинной? – спрашивает следователь.

– Да, это он принуждал меня к даче ложных показаний, – отвечает Руус.

– Как я вас принуждал? Может быть, я вас бил или пытал? – спрашиваю я.

– Вы давили на меня психически, – отвечает Руус.

– Каким образом? – спрашивает следователь.

– Он водил меня к арестантскому дому и пугал им, – отвечает Э. Руус.

– Но ведь это вы сами спросили, где туалет, я вас проводил, а по пути показал, где арестантский дом, – говорю я.

Следователь прокуратуры пытается сохранить серьезность, хотя по глазам вижу, что это нелегко.

История эта закончилась для меня более или менее благополучно. Уголовное дело в отношении меня решили не возбуждать. Был еще долгий и нудный разговор с сотрудником дисциплинарного бюро, и, наконец, в конце февраля 1983 года мне был объявлен выговор. Коллеги по работе в шутку стали называть меня «бывший лучший, но опальный стрелок».

Наступила осень 1983 года. 10 ноября – День советской милиции. Идет торжественное собрание в актовом зале УВД города Таллинна. Лучшие работники награждаются медалями, значками «Отличник милиции» и почетными грамотами (к ним прилагалась премия).

Вдруг я слышу: за достигнутые высокие результаты в борьбе с преступностью

Буйдину Олегу Владимировичу (затаив дыхание слушаю дальше) объявленный ранее выговор снимается досрочно. Далее следуют бурные аплодисменты присутствующих.

Слепой водитель

Шел 1986 или 1987 год (начало перестройки). Находившиеся раньше в подполье кустарные производства теперь работали легально и назывались кооперативами. Естественно, что эти кооперативы нуждались в материалах для производства продукции, а материалы доставались с промышленных предприятий и не всегда законным путем.

В один из дней этого периода ко мне в кабинет зашел мой начальник отделения Александр Митюшов. Я в то время работал в ОБХСС УВД города Таллинна в отделении, которое обслуживало предприятия легкой и местной промышленности.

– Поступил анонимный телефонный звонок, что сегодня днем с предприятия Salvo (предприятие изготавливало различные пластмассовые изделия) будут вывозить сырье в гранулах в один из кооперативов, изготавливающий мелкие изделия из пластмассы. Адрес кооператива известен, – сказал А. Митюшов.

Он также назвал нам время, в которое привезут сырье, марку машины – «Жигули» и ее номер, на которой будет осуществляться вывоз. Насчет «анонимного телефонного звонка» мы сразу поняли, что информация поступила от кого-то из агентов или доверенных лиц Митюшова, понятно, что свой источник информации он раскрывать не стал.

Приезжаем по указанному адресу. Там уже стоит автомобиль ВАЗ-2101 (его называли «копейка»), в багажнике которого мы обнаруживаем три мешка с гранулами белого цвета (каждый мешок весом около 50 кг). Тут же находится владелец автомобиля, на которого нам указали работники кооператива. Составляем акт изъятия материала в присутствии понятых. Владелец автомобиля присутствие в багажнике гранул пластмассы объяснить не может. Забираем его с собой в УВД. За руль его автомобиля садится один из наших сотрудников.

Приезжаем в УВД и заводим мужчину в кабинет. Его машина оставляем на парковке около здания УВД, а мешки с гранулами пластмассы заносим в кабинет. В кабинете кроме задержанного мужчины нахожусь я и мои коллеги по работе Александр Кирлица и Геннадий Жевков.

Они оба заядлые курильщики (в отличие от меня), и в нашем кабинете поэтому постоянно дым стоит коромыслом. По документам мужчины устанавливаем, что он работает на фабрике Salvo грузчиком, является владельцем автомобиля ВАЗ-2101, в котором находились мешки с гранулами пластмассы, но водительских прав у него нет.

Также выясняется, что один глаз у мужчины вообще не видит, а к другому для чтения документов, которые мы ему показываем, он приставляет большое увеличительное стекло. Под грузом неопровержимых улик он признается, что действительно украл с фабрики Salvo три мешка с гранулами пластмассы и отвез для продажи в кооператив, где мы его задержали.

Это вызывает у нас недоумение, так как ясно, что у него был сообщник, который вел машину. Однако мужчина твердо стоит на своем: машиной управлял он сам, и никто ему не помогал.

– Как же вы с таким зрением могли управлять машиной? – спрашиваю я.

– Очень просто, – отвечает он. – Я выезжаю на дорогу, пристраиваюсь за едущей по ней машиной и еду сзади.

– А если машина едет не туда, куда вам нужно? – спрашиваю я.

– Тогда я останавливаюсь и жду следующую машину, которая поедет в нужном мне направлении, и еду за ней, – отвечает он. – Что, не верите? Давайте садитесь ко мне в машину, и я вас отвезу туда, куда скажете.

У Саши Кирлицы от такого предложения чуть сигарета не выпала изо рта, а мне сразу же вспомнился фильм «Бриллиантовая рука»: «Будете у нас на Колыме – милости просим». – «Нет уж, лучше вы к нам».

В общем, проводить подобный следственный эксперимент мы не рискнули. Возбудили уголовное дело по статье 88 часть I УК ЭССР (кража) и отправили его в следственный отдел. Так что наказание этот мужчина получил как совершивший кражу единолично, а не в группе лиц, что подразумевало бы более тяжкое наказание. После этого случая с фабрики Salvo его уволили, и дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Несушка

Наступила весна 1984 года. Перед службой БХСС, в которой я тогда работал, была поставлена задача проводить рейды на различных предприятиях с целью выявления так называемых несунув.

Наше отделение во главе с начальником Александром Крестиним обслуживало предприятия пищевой промышленности Таллинна. Нами был разработан план, согласно которому один наш внештатный сотрудник, работавший водителем маршрутного такси, договорился с руководством Таллиннского таксопарка о передаче маршрутного такси на один вечер для проведения рейда. Он рассказал нам, что работающие на Таллинском мясокомбинате работники по окончании вечерней смены выходят с сумками и садятся в маршрутное такси, так как в это время автобусы и трамваи ходят редко.

Поскольку маршрут проходил мимо улицы Лубья, где находилось УВД Таллинна, то он должен был остановиться около здания УВД и высадить пассажиров

для их досмотра (от цеха мясокомбината на улице Вилмси до здания УВД было не более 500 метров). Мы договорились, что водитель маршрутки включит освещение плафона (обозначавшее, что маршрутка свободна) только при подъезде к мясокомбинату и после проезда мимо мясокомбината сразу же выключит его, чтобы не брать случайных пассажиров.

Около мясокомбината остались дежурить я, Виктор Романов и Валентин Некрасов. Стоим, ждем. Время подходит к одиннадцати часам вечера. Вечерняя смена заканчивается, но только никто пока не выходит. Наш водитель маршрутки проехал уже один раз, второй, третий...

Наконец из проходной выходит полная женщина средних лет с тяжелой (судя по виду) сумкой. Наша маршрутка проезжает мимо нее, но женщина ее не останавливает, а только ускоряет шаг. Виктор Романов побежал за ней, когда она уже скрылась за поворотом.

Виктор у нас парень спортивный, от него не убежишь. Во время прошлого рейда на Таллинском мясокомбинате он в одиночку задержал здорового грузчика, который перекинул через забор свиную полутушу, весившую, наверное, килограмм около 50. Эта полутуша чуть

не свалилась на Виктора. Он дождался у забора грузчика и скрутил его раньше, чем мы подошли на помощь.

Вот и в этот раз прошло немного времени, и, глядя, Виктор выходит из-за угла и ведет под руку сбежавшую женщину. Дожидаемся нашей маршрутки и ведем ее в УВД. На вахте при входе в этот раз дежурила женщина – сержант милиции. Просим ее провести досмотр в кабинете на втором этаже, где работаю я и Виктор Романов. Ждем в коридоре.

Через некоторое время дверь в кабинет открывается, и женщина-сержант просит нас войти. На столе в кабинете лежат куски мяса, завернутые в полиэтиленовую пленку. И – о, чудо! – задержанная нами полная женщина вдруг превратилась в стройную. Оказывается, кроме находившегося в ее сумке мяса, остальное мясо было обмотано у нее вокруг пояса и вокруг верхней части ног.

Составляем акт и другие необходимые для возбуждения уголовного дела документы. Женщину отпускаем домой, так как статья УК у нее не такая серьезная, чтобы ее задерживать. Благодарим водителя маршрутки за помощь и расходимся по домам.

На следующий день приходят представители Таллиннского мясокомбината, взвешивают мясо и составляют акт приемки (насколько я помню, мясо потом пошло на утилизацию). Один из представителей мясокомбината спрашивает нас:

– А вы знаете, что она нарушила Закон об охране труда?

– А при чем здесь охрана труда? – удивляемся мы.

Дело в том, что, согласно этому закону, женщинам запрещается переносить тяжести больше 16 кг, а общее количество изъятого у этой женщины мяса составило 35 кг.

Вспомнились стихи поэта Некрасова (однофамильца нашего Валентина) про русских женщин: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет» и захотелось добавить: и мясом обвесится так, что почти что свой вес унесет.

Буйдин Владимир Александрович родился 9 ноября 1931 года в селе Грузино Новгородской области. В 1934 году с родителями переехал в город Чудово Новгородской области, где жил до 1941 года. В 1941 году во время войны из-за бомбежек семья переехала на хутор в 20 км от города к знакомому леснику и там оказалась в немецкой оккупации. В 1942 году всю семью немцы отправили в эстонский концлагерь в Палдиски за то, что она помогла выйти из окружения бойцам Советской армии.

В 1944 году в сентябре после освобождения Советской армией семья осталась жить в Палдиски, где в 1949 году Владимир Буйдин окончил 7 классов средней школы и поступил учиться в Таллиннский горный техникум. В апреле 1951 года был призван на службу в ВМФ. В 1951–1954 годах служил радистом в береговой части в Таллинне.

В 1954 году по рекомендации командира части поступил в Гатчинское высшее военно-морское училище. В 1955 году на основании приказа о сокращении Вооруженных сил был демобилизован, после чего поступил учиться в Ленинградский политехнический институт, который окончил в 1961 году и был направлен на работу в Таллинн на Машиностроительный завод, где работал до 2005 года: сначала – инженером-конструктором а затем – начальником отдела механизации.

В июле 1957 года женился на Буйдиной Лилии Александровне. В браке родились двое детей: сын Олег (1958) и дочь Ольга (1972). Осенью 2005 года вышел на пенсию.

Поездка к Домбаю

В живописной долине,
Где прозрачна вода
Да синеют вершины,
Есть река Теберда.

Здесь по склонам долины
До подножия гор
Лес раскинул красивый
Разноцветный ковер.

Вот по этому краю
Из-за тысячи верст
К Теберде и Домбаю
Нас автобус провез.

Но капризна погода
На Кавказе сейчас
Обогрела немного
И описала нас.

И как мокрые куры
С необсиженных мест,
Мы под небом под хмурым
Шли гуськом под навес.

Не взошли на вершину.
Ну и что там жалеть?
Но дошли к магазину,
Чтобы душу согреть.

Что подмокли в начале,
Разве это беда?
Да согрела лучами
Нас опять Теберда.

Соберусь ли – не знаю.
Но хочу горячо.
Я пройти по Домбаю
С рюкзаком за плечом.

Там, где снег лежит вечный,
Высота до небес,
Знак любви бесконечной
Есть цветок эдельвейс.

Временами нам надо
Уезжать из квартир,
Посмотреть своим взглядом
Окружающий мир.

Чтобы чувствовать ясно,
Что живешь ты не зря.
Чтобы видеть прекрасной
Нам планету Земля!

Сентябрь, 1983

Осенний пейзаж

Разлился туман над озером,
Солнце прячется вдали,
Ветки ивы приморозило,
Что склонилась до земли.

И стоят деревья тощие,
Листья сброшены с ветвей.
Да курлыкает над рощею
Вереница журавлей.

Смотрят с неба тучи синие
В пожелтевшие поля,
Одевать наряды зимние
Собирается земля.

Поездка в Янеда

Земля такая круглая
Несется с оборотами.
А жизнь такая трудная
С делами да заботами.

Спешим домой по пятницам,
Закончив дни рабочие,
И снова время тратится
На мелочи и прочее.

Красиво одеваемся,
Следим, следим за модою,
И реже все встречаемся
С родимую природою.

Здоровья не прибавится,
Когда пьешь водку русскую.
Здоровье укрепляется
Физической нагрузкою.

Давайте же попробуем
Почаще в каждом месяце
Побольше быть за городом,
Чтобы с природой встретиться.

Январь, 1984

Путешествие по Болгарии

Мы приехали из Таллина,
Нас туристами зовут.
Предстоит дорога дальняя:
К Югославии маршрут.

Были мы в Москве девятого
В праздничной толпе людей.
Путешествие приятное
Ждало нас на двадцать дней.

Грело солнышко хорошее
Всю дорогу первый день,
Огорчила лишь дотошная
Всех проверка у Унчен.

Отоварились мы левами
У подножия Балкан,
А доехали до Плевена
Повстречал нас гид Иван.

Разместившись с чемоданами,
Наслаждались теплотой,
Разноцветными фонтанами
Любовались с темнотой.

А потом мы были в Габрове.
И возник тогда вопрос:
Раньше кто, турист или габровец,
Отрубил у кошки хвост.

Время медленно ли, шибко ли
То бежит, а то идет.
Уже из Габрово до Шипки мы
Совершили переход.

Вот на Шипке здесь особенно
Чувствуешь во всем подряд,
Память к русским, к русским воинам
Свято все болгары чтят.

Много в памяти хорошего
К нам Болгария хранит.
Повстречались мы с Алешою,
С тем, что в Пловдиве стоит.

Не ночными ресторанами
Пловдив память оставлял –
Парк с поющими фонтанами
Больше всех очаровал.

Это чудо настоящее –
Разноцветных струй каскад.
Чувство странное, щемящее,
Оторвать не можешь взгляд.

Вот уже Балканы пройдены,
Едем к западу – вперед.
Позади осталась Родина.
Как-то там она живет?

Ждет нас скоро Югославия.
А Болгарии – привет.
Будь же счастлива, Болгария,
С нашей дружбою навек.

Май, 1985

Колокола

Есть на окраине Софии
Одна зеленая гора.
И монумент на ней красивый,
Вокруг висят колокола

Еще на этом монументе
Табличка скромная висит,
Написано, что могут дети
В колокола всегда звонить.

Их для того и собирали,
Чтоб дети в них звонить могли.
И каждый год здесь фестивали
Проводят для детей Земли.

Колокола из разных стран:
С Болгарии и до Вьетнама.
Их звон на радость детям дан,
Их звук красив, как слово «мама».

Колокола, колокола!
Вот бы всегда вы так звучали!
В набат не били никогда
И о беде не сообщали.

А может, те колокола
Нам говорят, что все мы – дети
И мать одна у нас – Земля,
Одна на всех на белом свете.

Родители! В любой семье
Задумайтесь: а все, что нужно,
Смогли мы сделать на земле,
Чтобы наши дети жили дружно?

Чтоб дети каждого двора
Играли мирно под окошком,
Чтобы, дай бог, не знать слова –
Война, концлагерь и бомбежка.

Табличка скромная висит,
Ее не каждый и заметит.
Во все колокола звонить
На фестивале будут дети.

Пусть дети всех материков
Войны, беды не знают больше.
Их смех, как звон колоколов,
Пусть звучит все громче, звонче!

1985

Комета Галлея

По межзвездной аллее,
Что орбитой зовут,
К нам комета Галлея
Направляет маршрут.

Ветер солнечный сильно
Развернул ее хвост,
А потоки нейтрино
Прошивают насквозь.

Неприятен ужасно
Вблизи солнца ей путь,
Но с космической трассы
Ни сбежать, ни свернуть.

Миллиардами квантов
Солнце жгет ее зло,
Рвет нуклоны на кварки,
Испаряет ядро.

А набравшись терпения,
Вдоль расчетных орбит
К встрече с ней в перигее
«Вега» с «Джетто» летит.

От комет непременно
В наш космический век
Хочет тайны Вселенной
Разгадать человек.

Будь счастливой, комета,
Продолжай звездный путь,
Только к нашей планете
Вновь прибыть не забудь.

Тогда будет наука
На большой высоте,
Посидят наши внуки
У тебя на хвосте.

Март, 1986

Лесные страдания

Исхожено, исхожено,
Истоптано в лесу.
Ну что же я, ну что же я
В корзине принесу?

Собраться раньше надо бы,
До девяти часов.
Обобраны все ягоды,
И не найти грибов.

Живут здесь птицы разные,
И звери еще есть.
Жаль, выхлопными газами
Стал заполняться лес.

Спешил я за болотце
Хотел набрать груздей.
А там – три «Запорожца»
И десять «Жигулей».

И вот итог, и вот итог:
Устал, по лесу рыская.
Один грибок, бензин пожег.
Дорога ведь неблизкая.

Январь, 1984

Рыболовные страдания

Весна идет, весна идет,
А все еще не верится –
Начался в реки рыбы ход
Пред нерестом, пред нерестом.

И чтоб с рассветом уследить
За первую поклевкою,
На речку едем мы удить
С ночевкою, с ночевкою.

И вот стоим, дрожим с утра
Над речкою, над речкою,
А от костра, а от костра
Струится дым колечками.

Попробуй тут плотву поймай –
От холода все синие.
Какой же это к черту май!
Поля покрыты инеем.

А говорят, плотва пошла
На Казари, на Казари.
Мы ж не поймали ни шиша,
Мы злой судьбой наказаны.

Кому судьба, кому судьба,
Кому судьба-индейка,
А нам судьба, а нам судьба –
Троим одна уклейка.

И вот обижены судьбой,
Кляня погоду хмурую,
Под вечер едем мы домой
Понурые, понурые.

И все ж надеемся опять
Упорно мы, упорно мы,
Что все ж начнет плотва клевать
По-черному, по-черному.

Олегу и Ирине в день свадьбы

Говорят, что Бог рассек
Всех людей на части.
Тот, кто часть свою найдет,
Тому будет счастье.

Вот и встретились сейчас
Те две половины:
От Олега одна часть,
Другая – от Ирины.

А чтоб все срослось без швов,
Без единой травмы,
Есть хирурги у столов –
Два папы и две мамы.

Дорогие наши дети
И Олег, и Ира!
Счастье, что живем на свете
Мы под небом мира.

Так живите дружно вместе,
Множьте счастье это,
Чтобы жизнь была, как песня,
Теплотой согрета.

Мы желаем всей душой
Вам любви да ласки,
Чтоб до свадьбы золотой
Жили вы, как в сказке.

Проживете срок такой.
Все бывает, братцы.
После свадьбы золотой
Можно поругаться.

Выйдет, видимо, тогда
На разводы мода.
Да к тому же в те года
Уже не до развода.

Чтобы вам счастливо жить,
Чтоб союз был крепок,
Надо с Аистом дружить –
Пусть вам дарит деток.

Мне осталось пожелать
Вам здоровья только
И со всеми прокричать
Вместе дружно «Горько!»

27 июля, 1984

Юбилейное. 50 лет

Полвека жизни – перевал.
В нем детство, молодость и зрелость.
И старость где-то за спиной
Не так уж далеко уселась.

Полвека жизни – все здесь есть:
Надежды, радости, тревоги...
И если вспомнить все, как есть,
То не было прямой дороги.

Полвека жизни – перевал.
А может быть, пора в долину?
Там ждет покой, там ждет привал.
Попутный ветер дует в спину.

Но так устроен человек:
Ему все мало, мало, мало.
И смотрит вниз, а лезет вверх,
Другого ищет перевала.

Я в меру сил своих тружусь,
И о покое думать рано.
Да, думаю, еще сгожусь
И для завода, и для плана.

Ноябрь, 1981

Юбилейное. 70 лет

Ушел из жизни год очередной,
И по традиции ко мне приходят гости,
Подарки и цветы несут с собой
И за здоровье произносят тосты.

Ушел из жизни год очередной,
А мне его, как родственника, жалко,
Уж лучше бы остался он со мной,
Не надо ни цветов и ни подарков.

И все-таки не будем портить кровь,
Что не придется жить при коммунизме.
Давайте лучше выпьем за любовь
Как за основу радости жизни!

Юбилейное. 80 лет

Ну вот и сто без двадцати.
Так докатился я до ручки.
Уже с походкою не то,
Шагаю в крючке-закорючке.

И глаз один – уже алмаз,
Только алмаз фальшивой пробы.
Еще неплохо вижу вас,
Но не скажу, уж ясно чтобы.

Но, слава богу, до сих пор
Я нахожусь пока что в силе:
Ни разу не подвел мотор,
И клапана не износились.

Что дальше в жизненном пути?
До сотни доживают редко.
Программа – сто без десяти,
А там пора уж будет к предкам.

Ире на юбилей. 45 лет

Листья падают с ветвей,
А у Иры – юбилей.
Как тут сразу не сказать:
Ира – ягодка опять!
Молодец со всех сторон
Наша Ира – почтальон,
Иногда ругает в меру
За непослушанье Геру.
Вот совсем не смех, а грех,
Если запоздал Олег:
То ли что-то отмечает,
Иль кого-то там встречает.
Время мчится и течет,
А забот невпроворот.
В юбилей желаем Ире
Жить в спокойствии и мире
И с годами не стареть,
С каждым годом здороветь,
Без проблем чтоб дни текли,
Счастья, радости, любви!
С поздравленьем этот стих
От всех близких и родных.

28 сентября, 2001

Олегу на юбилей. 50 лет

С каждым днем весной теплее,
Просто заглядение.
А у Олега юбилей,
Чудесный день рождения.

Пятьдесят прожитых лет
Много лишь отчасти.
Это зрелости расцвет
И любви, и счастья.

У Олега, как всегда,
В жизни все, что надо:
И отличная семья,
Есть и дача с садом

Хорошо-то хорошо,
Да вот только жалко:
В этот год не повезло
Эх! С зимнею рыбалкой.

Зато служба у него
Не проходит даром:
Повышение пришло –
Стал он комиссаром

С юбилеем дружно мы
Олега поздравляем,
Счастья, радости, любви
И удач желаем!

Чтоб во всем всегда везло,
В жизни все сбывалось,
Было на душе светло
И радость не кончалась.

Чтобы годы все прошли
Яркой панорамой.
Пожелали, что смогли,
Олегу папа с мамой.

Олегу на юбилей. 55 лет

Весна идет, и все светлей,
Но еще много снега.
И в это время юбилей
У нашего Олега.

Достаточно осталось сил,
Чтоб поработать с песнею.
Но департамент сообщил:
Уже пора на пенсию.

Но раз уменьшится доход,
Поменьше купишь водки.
Зато теперь процесс пойдет
Без всякой нервотрепки.

Еще уменьши аппетит –
И сохранишь фигуру.
А если все же подфартит,
Найдешь себе халтуру.

Возможно, рыбы нагребешь
С весеннею путиною
И все на даче приберешь
Вместе с женою Ирою.

Олег, в твой славный юбилей
Мы все тебе желаем,
Чтоб было на душе светлей
И жизнь казалась раем.

Жить в счастье с Ирой, не скучать,
Любви как можно больше,
Прожить еще лет сорок пять,
А может, даже дольше.

Олегу на юбилей. 60 лет

Морозы кончились уже,
И начал таять снег.
И в это время юбилей
У нас празднует Олег.

Олег, тебя от всей души
Мы поздравляем
С юбилейной датой.
Желаем тебе в жизни
Счастья и любви
И, по возможности,
Чтоб жил с семьей богато.

Желаем, чтоб у вас на даче
Все цвело, росло
И в сборе ягод и грибов
Вам с Ирой помогала бы удача.
И главное – чтобы всегда везло,

Жить было весело и интересно.
Как пионер, всегда к работе был готов,
Хватило бы уменья и смекалки
На то, чтобы отличный был улов
В любое время года на рыбалке,

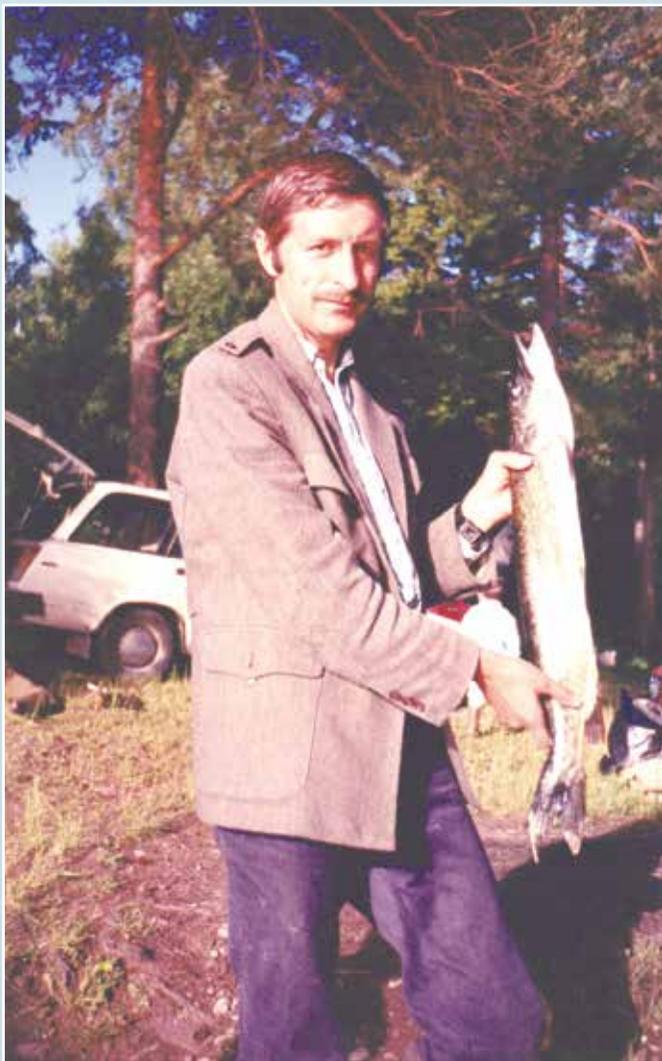
А рыба попалась на спиннинг одна,
Какая еще не встречалась,
И леска звенела бы, словно струна,
Но главное – чтоб не порвалась.

Желаем, чтоб ты был здоров много лет,
Семье был надежной опорой
И бодрость духа сохранял
Еще хотя бы лет на сорок.

Фотографии

Река Казари. 1970–1980-е годы.

Паункюла. Июнь 1996 года. Щука 2,5 кг.

Паункюла. Июнь 1996 года.

*Щука 4,5 кг, пойманная на карьере
Мяннику. Конец 1990-х годов.*

*Щука 4,2 кг, пойманная на озере
Харку. Январь 1998 года.*

*Первая щука, пойманная на зимней
рыбалке в Паункюла. Март 1998 года.*

Паункюла. Март 1998 года.

Карьер Мяннику. Конец 1990-х годов.

Озеро Клога. Начало 2000-х годов.

Озеро Клоога. Начало 2000-х годов.

Дача в Лайтсе. Август 1996 года.

*Собачья площадка в Ласнамяэ.
Май 1996 года.*

*Щука 4,2 кг, пойманная на озере Харку.
Январь 1998 года.*

*Канал Пирита – Юлемисте. Середина
1990-х годов.*

Садовый домик в Лайтсе. 2001 год.

Карьер Раку. Зима 2016 года.

Карьер Раку. Зима 2016 года.

Залив Саунья. 2017 год.

Залив Саунья. Осень 2017 года.

Залив Саунья. Осень 2017 года.

Карьер Раку. Зима 2017 года.

Пляж Перакюла. 2017 год.

Пляж Перакюла. Осень 2017 года.

Озеро Пюхаярве. Осень 2017 года.

Карьер Раку. Зима 2018 года.

Чудское озеро. Март 2018 года.

Чудское озеро. Март 2018 года.

Чудское озеро. Март 2018 года.

Река Пеныйги. Апрель 2018 года.

Река Пенйыги. Апрель 2018 года.

Река Пенйыги. Апрель 2018 года.

Река Вигала. Май 2018 года.

Новая дача в Лайтсе. Май 2018 года.

*Последняя фотография перед
выходом книги. Озеро Тыхела.
Май 2018 года.*